

25441

Р
К Е 803

Ершов А.

Очерк чернорабочего движения
в
Саратовском крае.

1909

25441

E-803

*Мудомысленный
Иван Иванович
Раушникович
на добрую память*

Очеркъ чернорабочаго движенія

В Армию

въ Саратовскомъ краѣ.

I.

Жителямъ Саратовскихъ сель и деревень давно знакомо одно явленіе, которое дополняетъ собою картину поволжской весны: это массовое передвиженіе рабочихъ изъ сосѣднихъ малоземельныхъ губерній. Еще за долго до того времени, когда просохнуть дороги, видно, какъ по проселочнымъ трактамъ пробираются пѣшеходы. Въ лаптишкахъ, анучахъ, коротайкахъ, со странно выпѣтшими глазами и загорѣлыми отъ вѣтра лицами бредутъ они, таща небольшія котомки. Иногда присаживаются гдѣ-нибудь на дорогѣ, заботливо осматриваютъ обувь и полдничаютъ краюхой хлѣба. Никакихъ припасовъ, которыми запасаются обыкновенно въ дальній путь, у нихъ нѣтъ. А спросите, откуда пришли, оказывается за 200—300 и болѣе верстъ: изъ подь Тамбова, Ломова, изъ Пензы, а идутъ уже двѣ—три недѣли съ одной котомкой, въ которой запрятанъ паспортъ вмѣстѣ съ послѣднимъ двугривеннымъ. Питаются, чѣмъ Богъ послалъ, ночуютъ, гдѣ придется, во милостыню просятъ рѣдко и довольствуются тѣмъ, что люди ивой разъ сами дадутъ.

По мѣрѣ хода весны количество этихъ странниковъ все прибываютъ. По дорогамъ видны уже вереницы людей, мѣрно ступающихъ тяжело обутыми ногами. Изрѣдка ихъ встрѣчаешь на фурахъ, нагруженныхъ домашнимъ скарбомъ и ребятишками. Это ѣдутъ цѣлыя семьи, у которыхъ дома рѣшительно ничего не осталось. Иногда онѣ наняты и ѣдутъ къ сроку, въ другой разъ ихъ влечетъ въ даль только надежда на лучшую долю. Жалкая лошаденка, рубище взрослыхъ и лохмотья дѣтей,—все это даже среди сѣрой деревенской обстановки рѣжетъ глазъ своимъ крайнимъ убожествомъ. Чтобы добраться такимъ невольнымъ переселенцамъ до какого-нибудь крупнаго центра наемки, имъ надо нищенствовать, и они проходятъ попутныя деревни съ сиротливымъ припѣвомъ „Христа ради“.

„Много бурлака идетъ: за Волгой урожай будетъ“,—говорятъ жители. Но бываетъ онъ или нѣтъ, а весеннее движеніе по протореннымъ трактамъ не прекращается. Люди ѣдутъ и идутъ какъ шли двадцать лѣтъ назадъ, понемногу разбредаясь по встрѣчнымъ базарамъ и снова скучиваясь по направлению къ городу.

Бурлачество известно въ Поволжьи съ давнихъ временъ. Въ своемъ первоначальномъ видѣ, какъ форма специально рѣчныхъ труда оно развилось на Волгѣ, вѣроятно, еще въ XVIII столѣтіи. Рабочій людъ уже и тогда находилъ себѣ пропитаніе на огромной рѣкѣ, по которой, не смотря на опасности и страхи, внушаемые „понизовой вольницей“, шло кое-какое торговое движеніе. Начало трудовой жизни здѣсь ставкивалось, такимъ образомъ, съ тѣми препятствіями, которыхъ уже не существовало въ то время въ центральной, болѣе заселенной Руси.

Характеръ окраины съ едва зарождавшимся торгово-промышленнымъ бытомъ Саратовскій край сохраняетъ всю почти первую половину XIX вѣка. Въ 30-хъ г.г. рабочая волна уже тѣсно сливается съ волною переселенческой хлынувшей изъ Тамбовской и смежныхъ съ нею губерній по слуху о томъ, что „якобы вышелъ какой-то указъ объ отводѣ въ степныхъ губерніяхъ земель для поселенія, и якобы приходящія въ тѣ земли, хотя бы они были и бѣглыя, будутъ считаться уже казенными и получать денежное пособіе“. Этотъ ложный слухъ, пронесшійся около 1825 г., вызвалъ огромное крестьянское движеніе, направлявшееся къ Уралу, Астрахани и Саратову, а со стороны правительства усиленное преслѣдованіе бѣглецовъ и цѣлый рядъ административно-карательныхъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью запрещеніе самовольныхъ поселеній. Сдѣлать это было однакоже довольно трудно, потому что „бродячая Русь“ изъ года въ годъ выростала въ размѣрахъ и неудержимо расплзалась по степямъ въ поискахъ работы или приволья. *)

Такъ уже въ 30-хъ г.г. XIX ст. мы видимъ появленіе бурлачества въ предѣлахъ самой Саратовской губ. на рѣкахъ Медвѣдицѣ и Хопрѣ, раньше считавшихся судоходными. Этотъ промыслъ, теперь давно исчезнувшій, по словамъ Мордовцева, давалъ заработокъ многочисленнымъ „верховымъ“ крестьянамъ преимущественно Пензенской Тамбовской и Казанской губерній; они тысячами стекались зимою на Волгу, гужевымъ способомъ переправляли барки на Медвѣдицу, собирали ихъ здѣсь, а весной отирались по теченію на Донъ. *) Еще большую массу рабочихъ, исчислявшуюся десятками тысячъ, давали эти губерніи на сторону: въ Донскую область, поволжскія степи и т. д. для сѣнокосовъ и полевыхъ работъ. Эти косари въ зимнюю пору уходили домой, а нѣкоторые изъ нихъ устраивались въ попутныхъ городахъ въ качествѣ шерстобитовъ, шведовъ и кожевниковъ.

Такъ дѣло шло до освобожденія крестьянъ. Реформа 1861 г., какъ извѣстно, не оправдала многихъ надеждъ деревенскаго населе-

*) В. Селевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.

*) Д. Мордовцевъ. „Судоходство по р.р. Медвѣдицѣ и Хопру“ Памятная книжка Саратов. губ. на 1859 г.

нія. Жить въ общемъ стало тѣснѣе и хуже, нежели при старыхъ порядкахъ, и это обстоятельство дало новый толчекъ къ массовому отходу незанятаго въ земледѣліи рабочаго класса. Къ тому-же съ упраздненіемъ дароваго труда для собственниковъ земель явилась необходимость прибѣгать къ наемному труду. Нужда эта особенно сильно сказывалась въ средней сельско-хозяйственной и южной капиталистической полосахъ Россіи. Навстрѣчу ей и шли рабочія руки. Часть безземельныхъ или малоземельныхъ крестьянъ послѣ паденія крѣпостныхъ отношеній уже не имѣла возможности арендовать чужихъ земель и постепенно образовала особый классъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, изъ года въ годъ вынужденныхъ заниматься отхожими промыслами. Первобытное бурлачество смѣнилось, такимъ образомъ, совершенно опредѣленной формой подневольнаго земледѣльческаго труда, который дополнялъ собою домашнія занятія, а съ теченіемъ времени сталъ постепенно и замѣнять ихъ.

Въ этомъ отношеніи крайне неблагоприятно отразился на крестьянствѣ переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному. За отсутствіемъ собственнаго хлѣба большинству оставалось жить либо кустарными промыслами, гдѣ они были, либо идти на сторону. Но кустарные промыслы вмѣстѣ съ развитіемъ заводско-промышленнаго дѣла стали падать, а экономическія неурядицы деревни постепенно росли и отрывали отъ нея новыя массы рабочихъ рукъ, которымъ приходилось искать труда все дальше и дальше отъ родины. Въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ г.г., послѣ пробужденія юга, сталъ, какъ извѣстно, медленно просыпаться и юго-востокъ. Здѣсь начали распаивать обширныя земельныя пространства, лежавшія цѣлыми столѣтіями впустѣ. На прежнихъ „дикихъ поляхъ“ развилась настоящая рабочая горячка. Цѣны на трудъ въ лѣтнюю пору поднимались до баснословныхъ размѣровъ, и молва объ этомъ привлекла въ заволжье цѣлыя толпы народа изъ сѣверной и средней Россіи. Чернорабочій вопросъ, какъ совершенно новое и по огромности своей не укладывавшееся ни въ какія рамки явленіе, именно и возникъ въ эту пору и сталъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе. Къ сожалѣнію, изученіе его представляло, какъ представляетъ и въ настоящее время, цѣлый рядъ затрудненій. Это будетъ понятно уже по одному тому, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вѣчно движущейся и въ зависимости отъ разныхъ условій количественно измѣняющейся массой. Каждый голодъ, каждый недородъ, всякій падежъ скота обезсиливаютъ ежегодно новыя и новыя количества крестьянскихъ хозяйствъ, лишаютъ владѣльцевъ ихъ живаго инвентаря, удешевляютъ трудъ и увеличиваютъ денежную нужду *). Въ результатъ новыя тысячи прежнихъ домохозяевъ превращаются въ батраковъ, продающихъ свой трудъ на сторону. Учсть всѣ эти многоразличныя коле-

*) См. А. Пѣшихоновъ. Земельныя нужды деревни. „Нужды деревни“ Т. II.

банія немислимо. Немислимо поэтому и исчислить отхожее сельско-хозяйственное населеніе Россіи сколько нибудь точными цифрами. Несомнѣнно, только лишь то, что оно громадно, ибо отхожіи земледѣльческій промыслъ является однимъ изъ наиболѣе чувствительныхъ показателей социальнаго экономическаго условія страны.

II.

Сдѣлаемъ однако попытку опредѣлить хотя бы на основаніи приблизительныхъ данныхъ размѣры чернорабочаго движенія въ предѣлахъ Поволжья. Литература этого вопроса крайне скудна. „Не смотря на весь научный и практическій интересъ, представляемый изученіемъ внутреннихъ миграціонныхъ теченій,—говоритъ профессоръ Янсонъ,—оно мало останавливаетъ на себѣ вниманіе правительствъ и ученыхъ. Особенно прискорбно отсутствіе статистической разработки вопросовъ о передвиженіи населенія внутри государства.

Въ наши большіе города идетъ значительный наплывъ пришлаго люда, но, за исключеніемъ двухъ-трехъ, размѣры его остаются неизвѣстными“.

Какъ бы то ни было, но департаментъ земледѣлія и сельской промышленности опредѣляетъ въ прежніе годы наплывъ рабочихъ въ южныя и юго-восточныя губерніи въ 2¹/₂ милліона людей. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, онъ значительно больше. Такъ, изъ сообщенія Д. П. Семенова, сдѣланнаго 3 декабря 1904 г. въ Географическомъ обществѣ, видно, что за 40 лѣтъ, истекшихъ со временъ 10 переписи, крестьянское населеніе увеличилось на 64%, площадь же земли, купленной при содѣйствіи крестьянскаго банка, распирилась всего на 13%.

Если принять, что 8% населенія уходитъ на заработки, 2,5% высылается изъ обществъ въ Сибирь, то и при этихъ условіяхъ получимъ до 40% избытка населенія, которому негдѣ и нечѣмъ кормиться.

Въ частности тѣ-же самыя цифры получаются и для сѣвернаго края (районъ Ярославской и смежныхъ съ нею губерній), гдѣ деревня давно потеряла свой старый характеръ и представляетъ собою въ настоящее время смѣсь земледѣльческихъ и промысловыхъ занятій. Здѣсь только *треть* населенія остается за землей, а ²/₃ дѣлятъ свои силы между хлѣбопашествомъ и сторонними заработками, при чемъ промыслы, носившіе раньше мѣстный оттѣнокъ, все болѣе и болѣе смѣняются отхожими. Даже въ отдаленныхъ сѣверныхъ уѣздахъ среди дремучихъ лѣсовъ Ичоры предъ нами встаетъ яркая картина си-

*) Въ ПБ. пришлый элементъ составляетъ 68,1%. Для остальныхъ столицъ, кромѣ Парижа (67,8%) онъ меньше. Такъ въ Вѣнѣ онъ достигаетъ 61,5%, въ Берлинѣ—56,3%, Римѣ—55,4% и Лондонѣ 37,6%. См. Янсонъ. Сравнительная статистика населенія. ПБ. 1892

стематически разрушаемыхъ капиталомъ патриархальныхъ формъ жизни. *)

Чѣмъ больше идемъ мы къ средней полосѣ Россіи, тѣмъ выраженіе становится самый процессъ отхода бѣднѣйшей части крестьянскаго населенія.

Приблизительное понятіе о немъ даютъ цифры, приведенныя С. Рудневымъ и относящіяся къ 90-мъ г.г. прошлаго столѣтія. Поисчисленію г. Руднева, въ 25 черноземныхъ губерніяхъ всѣхъ мужчинъ рабочаго возраста около 10.731.438 ч., а въ 25 нечерноземныхъ около 7.124.640 ч. На сельско-хозяйственныя работы нанимаются въ первыхъ около 25⁰/₀, а во вторыхъ около 10⁰/₀. Такимъ образомъ общее количество сельскихъ рабочихъ будетъ приблизительно 3.395.000 ч. Къ сожалѣнію, данныя эти совмѣщаютъ въ себѣ, очевидно, двѣ группы рабочихъ—*мѣстную* и *отхожую*, а потому выдѣлить послѣднюю не представляется возможнымъ. *)

Нѣкоторую попытку въ этомъ направленіи можно найти въ работахъ, опредѣляющихъ цифры отхода путемъ учета паспортовъ. Этотъ способъ, также далеко не совершенный, потому что при немъ принимается въ соображеніе одна *отхожая* группа, для нашихъ цѣлей однако интересенъ тѣмъ, что даетъ понятіе о численности ежегодно отправляющихся въ южныя и юго-восточныя губерніи крестьянъ. Такъ, по земледѣльческому району мы встрѣчаемъ въ 1891 году слѣдующія цифры.

Губерніи.	Взято паспортовъ.	% ко всему населенію.
Рязанская	367.490	22,2
Курская	217.890	10,6
Пензенская.	130.350	10,0
Воронежская.	192.500	8,3
Тамбовская	164.150	7,2

Общее количество отхожихъ рабочихъ, какъ видимъ, очень велико и лишь по 5 приведеннымъ губерніямъ превышаетъ миллионъ человекъ. Цифры указываютъ также, что изъ года въ годъ, въ зависимости отъ ухудшенія экономическихъ условій, ростъ этой трудовой арміи все увеличивается. Въ Воронежской губерніи она составляетъ 67⁰/₀ всѣхъ сельскихъ рабочихъ, въ Курской 43⁰/₀ и Тамбовской 34⁰/₀.

Въ классической по своему малоземелью и бѣдности Пензенской губерніи въ 1895—6 г.г. лицъ, занимавшихся отхожими промыслами, по официальной статистикѣ числилось до 100.000 ч., а въ Тамбовской 109.880, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности паспортовъ еще въ 1891 г. въ первой было выдано 130.350, а во второй 164.150.

*) А. Смирновъ. „Кустари и кустарная промышленность сѣвернаго края, Саратовская Земская Надѣля“ 1904 г. № 2.

*) Сборникъ Саратовскаго Губернскаго Земства 1894 г.

Самая продолжительность отлучекъ, какъ можно усмотрѣть изъ тѣхъ-же данныхъ, замѣтно увеличивается. Съ одной стороны это объясняется отмѣною паспортнаго сбора (въ 1897 г.), благодаря чему большинство, запасавшихся раньше дешевыми краткосрочными видами на жительство, перемѣнило ихъ на долгосрочные, а съ другой—ростущимъ стремленіемъ оставить совсѣмъ родину и устроиться въ другомъ мѣстѣ. По крайней мѣрѣ среди семейныхъ паспортовъ въ настоящее время начинаютъ преобладать 5-ти лѣтніе и годовые. Въ общемъ-же продолжительность отлучекъ можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ, относящихся къ тому-же 1891 г.

Губерніи.	% кратко-срочныхъ видовъ.	% долго-срочныхъ видовъ.
Рязанская	36,8	63,2
Тамбовская	53,1	46,9
Пензенская	60,0	40,0
Воронежская	73,0	26,4 *)

Въ переводѣ на общепонятный языкъ эти цифры указываютъ на то, что значительная часть отхожихъ промышленниковъ изъ района земледѣльческихъ губерній уже не возвращается на зиму домой, а остается или на мѣстахъ лѣтней работы или-же устраивается чернорабочими въ попутныхъ городахъ.

Если мы обратимся теперь по поводу интересующаго насъ вопроса къ источникамъ позднѣйшимъ, основаннымъ на данныхъ послѣдней народной переписи, то наиболее богатый матеріалъ для оцѣнки размѣровъ отхода найдемъ въ работѣ В. В., относящейся къ 1906 г. **). Оказывается, что изъ 48 милліоновъ мужскаго населенія Европейской Россіи (безъ Польши) всѣ отрасли дѣятельности, кромѣ земледѣльческой, привлекаютъ всего 8 милліоновъ мужчинъ, а такъ какъ все производительное населеніе (съ 15-ти лѣтняго возраста) равняется у насъ 28 милліонамъ человѣкъ, то свободныхъ отъ такихъ занятій и могущихъ найти себѣ нѣкоторое обезпеченіе только въ сельскомъ хозяйствѣ насчитывается 20 милліоновъ человѣкъ.

Какое-же число лицъ требуется для воздѣлыванія земли? Прилагая извѣстныя установившіяся нормы (6 десятинъ на семью), увидимъ, что для обработки всей культурной площади Европейской Россіи достаточно около 12 милліоновъ взрослыхъ мужчинъ. Слѣдовательно, изъ 24 милліоновъ работниковъ въ этомъ возрастѣ для сельскаго хозяйства требуется 12 милліоновъ (50⁰/о); въ торговлѣ и промышленности занято 5 милліоновъ (20,8⁰/о); въ занятіяхъ непродизводительныхъ (служба и пр.)—2 милліона (8,4⁰/о); и остаются безъ работы 5 милліоновъ (20⁰/о).

*) См. Брокгаузъ и Ефронъ „Россія“ Т. 54, 45 и др. См. также: Фортунатовъ „Сельско-хозяйственная статистика Россіи“ 1893 г.

**) „Вѣстникъ Европы“ № 1. 1906 г. „Рабочія силы Россіи“.

Цифры эти показываютъ, что сельское хозяйство Европейской Россіи требуетъ всего *половины* производительныхъ силъ страны, а $\frac{1}{6}$ національной рабочей энергіи остается безъ полезнаго примѣненія.

Чѣмъ-же живетъ этотъ людъ? Перепись показываетъ, что часть его занимается хлѣбопашествомъ, сокративъ на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ средства къ существованію 12 милліоновъ прочихъ семей, другая идетъ на заработки въ нашу южную хлѣбородную полосу и, наконецъ, третья, приблизительно въ $\frac{1}{2}$ милліона человекъ, занимается въ городахъ поленной и черной работой.

Итакъ, 5 милліоновъ мужчинъ, физически здоровыхъ и способныхъ къ работѣ, не находятъ себѣ полезнаго примѣненія. Однако дѣйствительная потеря запаса нашихъ силъ превышаетъ эти цифры. Дополнительные промысловыя занятія среди 12 милліоновъ крестьянъ занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, перепись обнаружила лишь у четвертой ихъ части (3 милліона). Остальные 9 милліоновъ работаютъ лишь $\frac{3}{4}$ года, не находя заработковъ въ теченіе зимы. Это даетъ уже не 20%, а 30% потери силъ. Если-же припомнить, что со времени переписи прошло болѣе 10 лѣтъ, въ теченіе которыхъ населеніе возросло на 10 милліоновъ человекъ, при чемъ 2,5 милліона изъ нихъ должны быть уже полными работниками, то надо думать, что Россія непродуительно теряетъ не менѣе $\frac{1}{3}$ своихъ рабочихъ силъ. *Количество безработныхъ колеблется у насъ, слѣдовательно отъ 5 до 8 милліоновъ человекъ въ годъ.* Въ этихъ предѣлахъ мы и должны представлять себѣ размѣры чернорабочаго движенія, большая половина котораго падаетъ, несомнѣнно, на Поволжье и юго-восточную окраину Россіи.

Постараемся теперь выяснитъ хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, количество чернорабочихъ, которые проходятъ ежегодно черезъ г. Саратовъ.

Мы знаемъ, что изъ сосѣднихъ губерній наибольшій избытокъ своего рабочаго населенія высылаютъ на Волгу Пензенская и Тамбовская. Несомнѣнно, черезъ Саратовъ идутъ также и крестьяне съверныхъ губерній—Вятской, Костромской, Нижегородской, Симбирской и т. д., но это преимущественно „волгари“, передвигающіеся вмѣстѣ съ баржами, плотами и бѣльями или работающіе на пристаняхъ въ качествѣ грузчиковъ, кулевозовъ и пр. Наибольшій интересъ представляютъ для насъ поэтому Пензяки и Тамбовцы.

По даннымъ Центр. Стат. Комитета за 1906 г. *) мужское деревенское населеніе Пензенской губ. достигаетъ 729.000 человекъ, Тамбовской-же 1.439.700 чел. Принимая на основаніи цитированной работы В. В. процентъ производительнаго возраста (отъ 15 до 60 л.) въ 60, мы получимъ на 2.078.700 мужчинъ обѣихъ губерній въ круглыхъ цифрахъ 1.200.000 чел., которые могутъ работать и ищутъ

*) См. „Ежегодникъ Россіи“ за 1906 г.

работы. Но такъ какъ заработковъ дома не находится, то часть этихъ силъ въ размѣрѣ 36⁰/₀—40⁰/₀ (400—500 тыс. чел.) пытается найти ихъ на сторонѣ и идетъ либо въ южныя хлѣбородныя губерніи, либо въ заволжье. Предположивъ, что этотъ послѣдній путь избираетъ лишь половина всего этого количества, между тѣмъ какъ другая тянется къ югу по другимъ направленіямъ, мы получимъ 200—250 тыс. чел. Если прибавить къ нимъ тѣ 150—200 тыс. крестьянъ Саратовской г., которые по свѣдѣніямъ казенной палаты ежегодно уходятъ изъ деревень на заработки, то *общая масса чернорабочаго люда, два раза въ годъ проходящаго черезъ Саратовъ въ круглыхъ цифрахъ достигаетъ 400—500 тыс. человекъ*

Полмилліона людей, Христовымъ именемъ пробирающихся въ обѣтованную землю, гдѣ можно заработать кусокъ хлѣба,—вѣдь это цѣлая армія нищеты, которая, казалось-бы, должна на всякомъ шагу встрѣчать поддержку и сочувствіе... А между тѣмъ движеніемъ этимъ интересуются лишь постольку, по сколько оно нарушаетъ установившійся порядокъ жизни. Мы просто привыкли къ виду этихъ сотенъ и тысячъ оборванныхъ и истомленныхъ людей, которые изрѣдка снимутъ передъ нами истлѣвшую шапку или робко протянутъ за помощью руку. Мы перестали вдумываться въ значеніе этого непрерывно совершающагося на глазахъ нашихъ явленія, полагая, что оно „само по себѣ“, а мы „сами по себѣ“; и лишь только тогда, когда пронесется по Поволжью холера или налетитъ тифъ и начнетъ безъ пощады косить свои жертвы среди нашихъ знакомыхъ и близкихъ людей, мы начинаемъ сознавать, что у насъ нѣтъ ни санитаріи, ни благоустройства, что живемъ мы въ невылазной грязи и что вообще „дальше такъ нельзя“. Многое припоминается въ эти досадныя минуты, но онѣ проходятъ, а вмѣстѣ съ ними исчезаетъ и добрый порывъ, направленный къ искорененію нашихъ старинныхъ язвъ.

III.

Какъ и всякое крупное общественное явленіе, чернорабочее движеніе вызвало массу изслѣдованій, имѣвшихъ цѣлью выяснить его причины и послѣдствія. Чтобы не возвращаться въ дальнѣйшемъ изложеніи къ этому вопросу, мы позволимъ себѣ привести все то существенное, на чемъ сходятся большинство относящихся сюда работъ.

Говоря относительно продолжительности отлучекъ отхожаго сельскаго населенія, мы уже отмѣтили на предъидущихъ страницахъ стремленіе ея увеличиваться и объяснили его задержкой рабочихъ на зиму на мѣстахъ лѣтныхъ ихъ заработковъ или же въ попутныхъ городахъ, гдѣ они становятся чернорабочими. Къ этому привело ихъ съ одной стороны заселеніе ранѣе пустовавшихъ южныхъ степей,

а съ другой развитіе машинной обработки земли, въ значительной мѣрѣ сократившее теперь чисто земледѣльческія занятія въ Россіи. Большинству отхожихъ промышленниковъ приходится искать поэтому примѣненія своихъ силъ въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ физическаго труда. Часть ихъ идетъ въ качествѣ плотниковъ, каменщиковъ, штукатуровъ, печниковъ и т. д. въ города на различнаго рода постройки и сооруженія. Другіе дѣлаются ремесленниками: слесарями, портными, сапожниками и пр. Третьи пристраиваются къ фабрично-заводскому дѣлу, четвертые къ торговлѣ, транспортному дѣлу, идутъ въ услуженіе, въ добывающую промышленность (напр. рыболовство на Волгѣ, Каспійскомъ и Черномъ моряхъ) или же, наконецъ, дѣлаются профессиональными нищими. Среди безчисленныхъ родовъ занятій, на которыя толкаетъ человѣка судьба, есть, къ сожалѣнію, и эта форма отхожаго промысла распространенная главнымъ образомъ въ Пензенской и Нижегородской губерніяхъ. Здѣсь есть цѣлыя деревни и села, которыя выѣзжаютъ въ нерабочее время въ сосѣдніе уѣзды и собираютъ милостыню по дворамъ.

Постоянный и изъ года въ годъ увеличивающіеся отливъ деревенской нищеты не можетъ остаться безъ вліянія на жизнь какъ самихъ городовъ, такъ и пустѣющихъ селъ. Въ первыхъ онъ выражается прежде всего замѣтнымъ ростомъ населенія.

Радоваться однако по этому поводу особенно не приходится. При неограниченной свободѣ передвиженія, въ городъ идетъ всякій, желающій оставить деревню. Между тысячами пришлаго люда оказываются по этому и хорошіе, и дурные работники и, наконецъ, просто слабые и нуждающіеся въ призрѣніи больные, которые въ возможности питаться на паперти видятъ единственный выходъ изъ своего положенія. Совокупность всѣхъ этихъ неимущихъ людей, совершенно необезпеченныхъ, не знающихъ хорошо ни одного ремесла и вынужденныхъ хвататься за первую попавшуюся работу, и слыветъ у насъ подъ именемъ чернорабочихъ въ отличіе отъ рабочей массы до нѣкоторой степени связанной съ производствомъ, благодаря знаніямъ или продолжительному практическому опыту.

Вслѣдствіе своего дробленія на массу различныхъ группъ, которыя сегодня занимаются однимъ дѣломъ, а завтра переходятъ къ другому, чернорабочіе играютъ въ производствѣ совершенно пассивную роль.

Не смотря на свою численность, они не составляютъ класса, объединеннаго общими интересами, и работаютъ порознь, изъ за куске хлѣба, который надо добывать всякій день. Присутствіе ихъ оказалось главнымъ образомъ полезнымъ для класса предпринимателей, давъ имъ возможность по желанію расширять дѣло; для рабочихъ, напротивъ, они явились одною изъ причинъ ихъ низкаго культурнаго и экономическаго уровня, вслѣдствіе пониженія заработной платы. Своимъ дешевымъ трудомъ чернорабочіе, весьма вѣроятно,

задерживаютъ и техническій прогрессъ, требующій усовершенствованій, для которыхъ нужны болѣе искусныя и дороже оплачиваемыя руки. Въ тоже самое время грошовае вознагражденіе, получаемое ими, не даетъ возможности какъ слѣдуетъ кормиться и жить въ сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ. Отсюда громадная заболѣваемость и смертность бѣдняковъ и ихъ постоянное стремленіе въ больницы, какъ единственныя прибѣжища. Отсюда же и постепенное обнищаніе чернорабочаго люда, на которомъ прежде всего отражаются и уменьшеніе производства, и техническія усовершенствованія, сокращающія число рабочихъ рукъ, и всякіе промышленные кризисы, не говоря уже объ общемъ экономическомъ упадкѣ или причинахъ частнаго характера, каковы инвалидность, алкоголизмъ, чрезмѣрное число дѣтей и т. д. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ городскія самоуправленія, черпающія одною рукою изъ тѣхъ доходовъ, которые доставляетъ имъ промышленность, другою рукою разсыпать еще болѣе обильныя средства на призрѣніе и леченіе чернорабочихъ, волею судьбы выброшенныхъ изъ деревни въ городъ.

Нѣсколько иное вліяніе оказываютъ отхожіе промыслы на деревню. Мы уже видѣли, что причины, обусловливающія отходъ деревенскаго населенія, очень сложны и разнообразны. Къ нимъ прежде всего слѣдуетъ отнести малоземелье со всѣми проистекающими отъ него послѣдствіями: дробленіемъ надѣловъ, повышеніемъ арендныхъ платъ, непосильными налогами, постоянными недородами и т. д. Нѣтъ надобности перечислять дальше этотъ печальный списокъ неурядицъ современной деревни. Онъ понятенъ и въ двухъ словахъ передадутся вамъ первымъ изъ встрѣчныхъ ищеходовъ, попавшимся весной на дорогѣ. „Жить,—скажетъ онъ,—нечѣмъ, голодно у насъ, тѣсно,—вотъ и идемъ, куда глаза глядятъ“.

Ближайшимъ поводомъ отхода являются, такимъ образомъ, бѣдность и необходимость заработать лишнія средства на сторонѣ. Какъ не скуденъ подчасъ заработокъ отхожаго промышленника, все же онъ при крайней бережливости имѣетъ возможность скопить нѣсколько десятковъ рублей, которые отправляются въ семью. Средства эти не только служатъ подспорьемъ но и составляютъ иногда единственный источникъ для поддержанія хозяйства, которое безъ нихъ неминуемо должно было бы рухнуть. Этой матеріальной поддержкой упадающаго крестьянскаго дома да, пожалуй, развитіемъ грамотности среди отхожихъ крестьянъ и ограничиваются положительныя стороны самого движенія. Всѣ остальные носятъ отрицательный характеръ. Въ отхожихъ деревняхъ прежде всего замѣтно понижается рождаемость, брачность и увеличивается смертность. *) Все это самымъ неблагоприятнымъ образомъ отражается на коренномъ населеніи и ведетъ

*) Д. Жбанковъ. „Вліяніе отхожихъ промысловъ на плодovitость и движеніе населенія“ „Врачъ“ 1886 г. № 36, а также №№ 23—25 1895 г.

къ медленному но постепенному его вымиранію. Тяжкія условія отхожаго труда налагаютъ свой отпечатокъ и на рабочую молодежь, ежегодно покидающую деревни. Деревенскій человекъ, нуждающійся въ работѣ и ищущій ее среди огромнѣйшей массы такой-же бѣдности, знакомится съ самыми темными и непривлекательными сторонами городского быта. Грязь, нищета, пьянство и развратъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ его. Онъ видитъ затѣмъ, какъ ловкіе дѣльцы, ворочающіе деньгами, стараются захватить его врасплохъ, напрягаютъ усилія, чтобы воспользоваться его трудомъ и отпустить ни съ чѣмъ. Ничего добраго, гуманнаго не идетъ во время этихъ лѣтнихъ скитаній въ народную среду. Не удивительно поэтому, что тысячи народа, отрываемаго отъ деревни и снова возвращаемаго въ нее съ тою жестокой наукой, которую дало имъ блужданіе по бѣлу—свѣту, уже не могутъ примириться съ условіями прежняго своего существованія. Изъ этой извѣрившейся и изломанной массы выходятъ толпы людей, оставшихъ отъ тяжкаго деревенскаго труда и мечтающихъ подчасъ о фантастической наживѣ въ мѣсяцъ, въ недѣлю, въ день. Рѣдкіе изъ нихъ успокаиваются подъ мужицкимъ ярмомъ, большинство же либо снова пытается по проторенной дорогѣ попасть на югъ, либо въ поискахъ счастья опять идетъ въ городъ.

IV.

Большинство крупныхъ поволжскихъ центровъ, какъ извѣстно, вырастаетъ количественно главнымъ образомъ лѣтомъ. Явленіе это наблюдается какъ въ Н. Новгородѣ, такъ и въ Казани, Самарѣ и т. д. Но главная масса чернорабочаго люда скопляется, повидимому, въ той части Поволжья, гдѣ находятся Саратовъ и Царицынъ. Топографическое расположеніе этихъ городовъ, служащихъ „воротами“ для прохода въ Самарскія и Уральскія степи, оживленная ихъ торговля, присутствіе узловыхъ желѣзно дорожныхъ линий и, наконецъ, самая Волга съ ея обширнымъ рѣчныхъ движеніемъ,—все это заставляетъ отхожихъ крестьянъ избирать этотъ путь, какъ наиболѣе короткій и дешевый. Изучить размѣры и характеръ чернорабочаго движенія можно было бы именно здѣсь въ этихъ пунктахъ, служащихъ конечными этапами для рабочаго люда, но такъ какъ ни официальныхъ данныхъ, касающихся этой стороны мѣстной жизни, ни статистическихъ работъ, имѣющихъ въ виду г. Саратовъ въ этомъ отношеніи, нѣтъ, то мы въ дальнѣйшемъ будемъ вынуждены довольствоваться лишь тѣмъ матеріаломъ, который подбирался для этой цѣли въ губернской больницѣ. Онъ состоитъ изъ карточекъ, на которыхъ дѣлались соотвѣтствующія отмѣтки въ теченіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ, и обнимаетъ собою группу приблизительно тысячъ въ тридцать всякаго званія людей. При всемъ несовершенствѣ онъ имѣетъ одно лишь достоинство: въ немъ содержатся показанія самихъ больныхъ, отобран-

ныя попутно и потому лишеныя всякой предвзятости. Эти показанія извѣстнымъ образомъ систематизированныя, и легли въ основу настоящей работы, отнюдь не претендующей поэтому на сколько-нибудь исчерпывающее значеніе.

Весеннее движеніе чернорабочихъ начинается рано, еще въ самый разгаръ зимы, и тѣмъ раньше, чѣмъ дальше отстоитъ та или другая губернія отъ Астрахани, моря и вообще всего нашего юга, который является въ это время единственнымъ мѣстомъ тяготѣнія. Такъ изъ Казани и Нижняго народъ начинаетъ идти въ январѣ, изъ Симбирска около масляной и т. д.

Вотъ дословный почти рассказъ одного изъ такихъ странниковъ, крестьянина Спасскаго уѣзда Казанской губерніи, свалившагося отъ утомленія въ Саратовѣ,—рассказъ, который можетъ считаться типичнымъ для подобнаго рода больныхъ.

—Вышелъ я изъ дома еще 7 января и брелъ все время Волгой то одинъ, то вмѣстѣ съ цѣлыми артелями земляковъ и попутчиковъ. Питался кое чѣмъ. Ночеваль по селамъ. Въ нихъ теперь, куда ни приди, вездѣ ночлежки есть. По хатамъ пускать нашего брата бояться, а отводятъ сборни. Грязь тамъ, тѣснота.... Такъ на полу въ сырости и валяешься, пока ночь не пройдетъ.* На утро чѣмъ свѣтъ захватишь котомку, и опять съ Богомъ, до новой сборни. А тамъ, глядишь, народу опять человѣкъ 50 одни внизъ, другіе вверхъ идутъ. Всѣхъ нужда гонить... Вотъ и я такъ-то. Седьмой разъ кожу: съ 15 лѣтъ на промыслахъ сталъ рыбу ловить. Раньше рублей 5—6 на хозяйскихъ харчахъ получалъ, а теперь 20—25 въ мѣсяць. Съѣти ставлю и за рабочими поглядываю: вродѣ приказчика, значить. А людей тамъ со всего свѣта: и изъ Саратовской губерніи, и съ верховъ, и изъ Астрахани. Калмыки, корсаки, казаки, хохлы, нашъ братъ—казанецъ,— всѣхъ много. Тысячъ до 30, говорятъ, всего будетъ. *) Работаемъ до ноября, до заморозковъ, смотря по погодѣ. Начинаемъ съ 15 марта, всего мѣсяцевъ 7—8 выходитъ. Проживаемъ мало. Деньги—рублей 150—200 всѣ семьѣ. Только на дорогу себѣ къ веснѣ 8 руб. и оставилъ. И хватило бы, если бы хворь не взялась. А теперь всѣ проѣлъ... „Дойду видно такъ“...

Большинство прохожихъ, сколько можно судить по записямъ, идутъ не въ первый разъ и имѣютъ мужество повторять этотъ огромный зимній переходъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ. Во время случайныхъ зимнихъ поѣздокъ по Волгѣ большинству, вѣроятно, случалось видѣть, какъ по занесеннымъ снѣгомъ дорогамъ

*) Давныя эти сходятся съ цифрами, найденными нами въ статистическомъ очеркѣ Астраханской губерніи. См. словарь Брокгауза и Ефрона Т. III.

тянутся вереницы пѣшеходовъ человѣкъ по 6—10 подъ рядъ; всѣ они обыкновенно въ короткихъ кафтанахъ или обрѣзанныхъ полушубкахъ, въ лаптяхъ, съ котомками, палками и въ рваныхъ шапченкахъ. Среди снѣжныхъ далей, изрѣдка перемежающихся темными пятнами береговыхъ лѣсовъ или деревенскихъ хатъ, среди этого простора по которому свободно гуляетъ зимній вѣтеръ, странно видѣть въ наше время такихъ путешественниковъ, которые переносятъ воображеніе за два вѣка назадъ. Опасности, встрѣчающія ихъ на этомъ длинномъ пути, поистинѣ неисчислимы. Здѣсь встрѣчаются и отмороженія, и замерзанія, и всевозможныя простудныя болѣзни, а въ особенности тифъ. Разсадниками послѣдняго являются по преимуществу ночлежки, въ которыхъ останавливается бѣдность. Отсюда часть переболѣвшихъ, а иногда и не совсѣмъ выздоровѣвшихъ идетъ дальше и снабжаетъ заразой попутныя села и города. Огромная эпидемія возвратнаго и сыпнаго тифа, разыгравшаяся въ минувшемъ году въ Россіи, весьма возможно, обязана своимъ возникновеніемъ именно рабочему движенію, которое проходитъ у насъ въ городахъ безъ всякаго санитарнаго надзора. О деревняхъ и говорить нечего: единственной мѣрой здѣсь служить отправка заболѣвшихъ рабочихъ въ ближайшій городъ, изъ котораго они недавно пришли. Везутъ ихъ обыкновенно на подводахъ отъ села до села, со всевозможными проволочками и промедленіями, нерѣдко 5—6 дней, пока не доберутся до губернской больницы. Въ 1908—1909 г.г. эта система обратной доставки этапнымъ порядкомъ была въ особенности почему-то въ ходу: тифозныхъ въ Саратовъ доставляли и изъ Синенькихъ, и изъ Золотого, и съ Быковыхъ хуторовъ и т. д.

Въ февралѣ мѣсяцѣ рабочее движеніе замѣтно усиливается. Въ городѣ появляются небольшія артели пришлыхъ людей изъ Тамбовской и Пензенской губерній. Между ними встрѣчаются нерѣдко и Симбирцы. Крестьяне этой губерніи работаютъ по преимуществу по Волгѣ: на пароходахъ, пристаняхъ и баржахъ. Часть ихъ образуетъ артели, которыя изъ года въ годъ идутъ грузить товаръ въ излюбленныя мѣста; другіе устраиваются матросами, водоливами и т. п. на баржахъ задолго до вскрытія рѣки. *) Живутъ они обыкновенно въ затонахъ, въ особыхъ хатахъ или просто баракахъ, выстроенныхъ изъ пластинъ и досокъ, съ деревянными или земляными полами и желѣзными печами. Стоятъ эти бараки гдѣ нибудь на самомъ берегу, при чемъ весною ихъ заливаютъ. Помѣщаются въ нихъ нерѣдко цѣлыя семьи вмѣстѣ съ ребятишками. Мужья караулятъ баржи, чинятъ ихъ, скалываютъ ледъ, дежурятъ на вахтѣ, а жены ведутъ хозяйство и кормятъ артель. Никакого особеннаго надзора за здоровьемъ и жизнью этихъ рабочихъ, повидимому, не

*) См. А. Ф. Никитинъ. „Зимовка судовыхъ командъ въ затонахъ р. Волги“. VIII Сборникъ отчетовъ и докладовъ врачей санитарнаго надзора на р.р. Волгѣ и Камѣ за 1903 г.

ведется. Лечатся они въ мѣстныхъ больницахъ и жестоко страдаютъ отъ маляріи, весьма распространенной по волжскому побережью. Симбирцы, да, пожалуй, еще Пермьки съ Вятчичами и Костромичами, постоянно занимающимися сплавомъ плотовъ и бѣлянъ, являются въ наши дни послѣдними представителями стариннаго бурлачества, такъ какъ жители другихъ „верховыхъ“ губерній больше тяготеютъ къ чисто земледѣльческимъ занятіямъ. Ихъ очень много по всему нижнему волжскому бассейну или, какъ у насъ говорятъ, „плесу“, вплоть до самой Астрахани. Не только грузчики и матросы, но и кочегары, лоцмана и прочій служилый пароходскій людь—все это преимущественно симбирцы. Въ качествѣ людей, знакомыхъ съ ремеслами, они нерѣдко устраиваются въ попутныхъ городахъ слесарями, кузнецами и пр. и работаютъ здѣсь до самаго открытія навигаціи, пока не пойдутъ буксиры, главнымъ образомъ принимающіе ихъ на службу. *)

Въ февралѣ въ городѣ появляются и мѣстные рабочіе изъ уѣздовъ Саратовской губерніи. Между ними нерѣдко встрѣчаются и уроженцы Пензенской и Самарской губерній, давно обосновавшіеся въ нашихъ деревняхъ и кочующіе по разнымъ хозяевамъ. Обыкновенно это или старики—караульщики, пастухи и пр., или же болѣе молодые ремесленники деревенскаго типа: портвы, сапожники, бондари и т. д. Лѣто они проводятъ на полевыхъ работахъ, а въ зимніе мѣсяцы кое-какъ перебиваются своимъ немудрымъ мастерствомъ въ селахъ. Саратовъ, какъ ближайшій губернский центръ, служитъ для большинства ихъ центромъ постояннаго тяготѣнія: весной они поджидаютъ въ немъ начала городскихъ или полевыхъ работъ, а осенью переживаютъ въ ночлежкахъ и постоянныхъ дворахъ наиболѣе тяжелое безработное время. Эта часть пришлагаго населенія съ полнымъ правомъ можетъ сказать про себя: „ubi bene ibi patria“, такъ какъ мѣсто приписки ихъ совершенно не выражаетъ собою принадлежности къ тому или другому мѣсту. „Родился въ Новоузенскомъ уѣздѣ,—скажетъ вамъ одинъ изъ такихъ вѣчныхъ странниковъ,—а живу, гдѣ случится: въ Саратовѣ, Царицинѣ, въ степи. Осенью вотъ въ Астрахани былъ, да чуть съ голоду тамъ и не померъ. Пріятели смутили: „иди да иди!“ Теперь кое-какъ тащусь. По пути тифомъ на грѣхъ захворалъ. Спасибо добрые люди пожалѣли: доставили сюда. Все можетъ, оправлюсь, кусокъ хлѣба гдѣ-нибудь найду“. Это „гдѣ-нибудь“ въ представленіи бездомнаго человѣка обыкновенно исключаетъ всякую мысль о родинѣ. Тамъ ему дѣлать нечего, потому что связей и знакомствъ обыкновенно нѣтъ или онѣ порваны, бла-

*) См. А. Десятковъ „Очеркъ санитарно-экономическаго положенія рабочихъ на пароходныхъ бассейнахъ р. Волги“. „Промышленность и здоровье“ 1903 г. № 9. Въ 1884 г. на пароходныхъ бассейнахъ Волги было 12,317 ч. а въ 1900 г.—26,623 ч. Собразно съ этимъ увеличилось и количество всѣхъ служащихъ на судахъ съ 56756 ч. (1884 г.) до 73823 ч. (1900 г.)

годаря многолѣтнему отсутствію. „Зачѣмъ я туда пойду?—говорить изголодавшейся и оборванный пензякъ, которому предлагаютъ безплатный билетъ на родину: кому я тамъ нуженъ? Лучше на постояломъ помру, чѣмъ себя срамить!“

Уроженцы Саратовской губерніи въ сущности мало отличаются отъ пришлыхъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ являются профессиональными отхожими ремесленниками. Таковы, напр. дегтяри и угольщики изъ Кузнецкаго уѣзда, ежегодно разъѣзжающіе по губерніи; калачники изъ Сердобскаго уѣзда, которые направляются преимущественно въ Саратовъ и Царицынъ и т. д. Другіе занимаются исключительно полевыми работами, по окончаніи которыхъ возвращаются домой. Третьи, наконецъ, вынуждены уходить изъ деревень задолго до лѣтней страды и искать какого нибудь заработка въ городѣ. Положеніе Саратовцевъ въ это время ничуть не лучше остальныхъ чернорабочихъ. Въ особенности плохо приходится тѣмъ изъ нихъ, которые мало знакомы съ городскими условіями, и уходятъ изъ деревни въ первый разъ. Вотъ что приходится слышать въ большинствѣ случаевъ отъ нихъ. —„Пришелъ я,—разсказываетъ молодой парень изъ Елаи,—въ городъ съ осени. Пристроился сначала рабочимъ въ больницѣ, недѣли черезъ три рассчитали. Дней десять у техника потомъ канавы рылъ, пока морозы не ударили. Пришла зима, совсѣмъ безъ дѣла остался. Тѣмъ только и жилъ, что снѣгъ кое когда во дворахъ чистилъ да и то возмуть въ артель, добудешь копѣекъ тридцать, а нѣтъ, такъ и безъ хлѣба насидишься. Одеженку, какая была, всю проѣлъ. Теперь хоть бы и домой вернуться, да не съ чѣмъ. Письмо домой на счетъ билета отправилъ, не отвѣчаютъ: почта что-ли задержалась, кто его знаетъ! Вотъ и дошелъ до того, что съ галахами вмѣстѣ въ ночлежкѣ ночую“.

Нужда заставляетъ пришлыхъ крестьянъ братья подчасъ за неподходящія занятія съ которыхъ ихъ быстро увольняютъ. Дровосѣкъ, проѣвшій топоръ, дѣлается кондитеромъ; пахарь идетъ въ кузнецы, портной начинаетъ выпекать калачи, однимъ словомъ, дѣлать то, что хозяинъ укажетъ. Результаты этихъ любительскихъ занятій получаются, разумѣется, плачевные, и самозваннаго кондитера съ конфузозомъ гонять вонъ. Очень многіе, отчаявшись найти себѣ мѣсто обиховеннаго рабочаго по хозяйству, кончаютъ половыми въ самыхъ грязнѣйшихъ трактирахъ или спускаются еще ниже и становятся постоянными обитателями „галаховыхъ“ домовъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, ѣсть нечего, но выпить въ пріятной компаніи всегда можно.

Изъ этой пестрой галереи несчастливцевъ, приходящихъ зимою въ городъ, очень немногіе, т. е. наиболѣе сильные, ловкіе и смысленные устраиваются на постоянной службѣ. Остальные живутъ впроголодь, поджидая тепла, когда можно будетъ легче добраться до деревни и забыть поскорѣе эту тяжелую полосу искательской жизни,

или же съ открытіемъ навигаціи пробраться куда нибудь дальше на югъ, гдѣ въ это время есть уже спросъ на рабочія руки.

V.

Мартъ мѣсяць—самая критическая пора для городского черно-рабочаго люда. Въ это время постоянные дворы переполняются пришлымъ населеніемъ изъ Саратовскаго и другихъ ближайшихъ уѣздовъ. По свѣжести лицъ, по хорошимъ валенымъ сапогамъ и незаплатаннымъ полушубкамъ оно рѣзко отличается отъ перезимовавшихъ въ ночлежкахъ мѣстныхъ босяковъ. Тѣ въ рубищѣ, въ сваливающихся съ плечъ рубахахъ, въ сквозящихъ дырами штанахъ, блѣдые, трясущіеся, съ руками, судорожно засунутыми въ худые рукава своихъ отрепій. Весь этотъ замороженный и, какъ говаривали въ старину, „скитающійся по причинѣ своего безпутства“ людъ прожилъ за долгую зиму послѣднія крохи, которыя оставались съ осени, и жаждетъ работы. Въ настоящемъ смыслѣ этой послѣдней еще нѣтъ, хотя уже кое гдѣ начинаютъ очищать дворы, скалывать ледъ, подвозить къ будущимъ постройкамъ строительный матеріаль и т. д. Жить бы, пожалуй, городскимъ босякомъ было еще можно, если бы не конкуренція въ лицѣ этихъ молодыхъ и сильныхъ деревенскихъ парней, которыхъ по неопытности ихъ и дешивизнѣ труда нанимаютъ охотнѣе. Между обѣими группами—пришлыхъ и мѣстныхъ рабочихъ—возникаетъ, такимъ образомъ, съ самаго начала глухая борьба, которая часто оканчивается тѣмъ, что и та, и другая сторона получаетъ грошъ, и то съ перерывами. „День работаешь два нѣтъ“,—говорять обыкновенно пришельцы: „а пить—естъ надобно“. Но возвращаться домой деревенскимъ жителямъ уже поздно, и не за чѣмъ: надо ждать тепла, когда наступитъ навигація, начнется строительный сезонъ и т. д.

А пока что, живетъ довольно скверно. Утромъ еще поддерживаются морозцы градусовъ въ 10—14, днемъ слегка грѣетъ солнце, а къ вечеру снова начинается холодъ. Приходится въ поискахъ тепла скитаться по чайнымъ, а на ночь оставаться въ ночлежныхъ пріютахъ, биткомъ набитыхъ собравшейся со всѣхъ сторонъ бѣднотою. Можно бы попробовать счастье за Волгой, да рѣка не пускаетъ: путь испортится. Рѣдкіе пѣшеходы идутъ уже съ опаской, а лошади топятся и проваливаются.

Чѣмъ ближе Пасха, тѣмъ положеніе чернорабочихъ все хуже и хуже. Деревенскій притокъ идетъ непрерывно и скопляется въ городѣ, совершенно отрѣзанномъ отъ лѣвой стороны вздувшейся Волгой. Всѣ рѣчныя должности уже заняты „волгарями“, давно знакомыми хозяевамъ и ожидающимъ лишь вскрытія рѣки. Всѣ городскія мѣста разобраны еще съ осени, и рабочей силы больше, чѣмъ достаточно. Остается просто ждать и шляться безъ дѣла по разнымъ при-

тонимъ, носящимъ названіе „угловъ“ и „квартиръ“. На окраинахъ города, въ мѣстахъ, ближайшихъ къ волжскому берегу, на базарахъ и площадяхъ царитъ по этому необычайное оживленіе. Валовая улица—штабъ квартира босяковъ, полна цѣлый день народомъ. Здѣсь пьяные и растерзанные золоторотцы, безработная чернорабочая масса, нищія и нищенки, подростки и дѣти,—все это гребетъ озябшія кости на солнцѣ, а кое кто спитъ прямо въ грязи. Около трактировъ сидятъ проститутки нисшаго разбора—старыя, рваныя, съ подбитыми глазами и выдранными волосами. Изъ „веселыхъ“ домовъ доносятся пѣсни и хохоть. Изъ обитательницы съ ярко накрашенными щеками и насурмленными бровями высовываются изъ оконъ, скалятъ зубы или переругиваются съ прохожими, а иногда заводятъ ссоры, кончающіяся дракой и протоколами. Общій видъ толпы, въ которой перемѣшаны опухшія фізіономіи босяковъ съ сѣрыми утомленными лицами перезимовавшихъ крестьянъ и городскихъ нищихъ, напоминаетъ,—да простится намъ это сравненіе,—выгнанное въ первый разъ и отощавшее крестьянское стадо, которое радуется солнцу, знаменующему для него воскресеніе къ новой жизни. Но до этого подлиннаго воскресенья изъ мертвыхъ еще нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ можно умереть съ голоду, если не удастся напасть на случайный заработокъ или попасть какъ нибудь на больничную койку. Сдѣлать это однако не такъ то легко. Мартъ мѣсяцъ обыкновенно является сезономъ всякихъ неожиданностей, сваливающихся на больницы изъ нѣдръ городскихъ ночлежекъ, коечно-коморочныхъ угловъ и тѣхъ невозможныхъ труппъ, которыми изобилуютъ наши овраги. Въ силу того-ли, что наступаетъ весна, и потому отправка всевозможныхъ мараптиковъ, еле дышавшихъ зимою, становится болѣе легкой, въ силу другихъ-ли причинъ, но только въ пріемныхъ покояхъ начинаютъ появляться такія древности, на которыя съ недоумѣніемъ смотритъ даже доставившій ихъ бывалый унтеръ-квартиръ. Сѣдые, какъ лунь, столѣтніе старички, шамкающіе беззубыми ртами и съ дѣтскимъ плачемъ требующіе хлѣбца, старухи со сведенными ногами и руками, парализованныя, нищія, дошедшія до послѣднихъ степеней дряхлости,—все это какими-то невѣдомыми путями, съ помощью добрыхъ людей и городскихъ, привозится въ больницы, молить, просить о помощи, проливаетъ горькія слезы по поводу того, что бѣдному человѣку приходится умирать на улицѣ, а иногда и просто подкидывается „на усмотрѣніе начальства“. Очень многіе изъ такихъ больныхъ въ первые дни даже не сообщаютъ своихъ фамилій и адресовъ: авось, дескать, не доберутся, откуда. Къ сожалѣнію, лицъ, имѣющихъ какое-нибудь родство или осѣдность изъ этой категоріи весьма мало. Большинство подкинутыхъ либо тамбовцы, либо пензяки, всю жизнь прожившіе въ городѣ, либо, наконецъ, крестьяне другихъ губерній, которые раньше промышляли по деревнямъ, потомъ стали чернорабочими въ городѣ, затѣмъ нищими и,

наконецъ, дошли до полной оброшенности и забвенія. Многіе изъ нихъ въ свое время долго и бесплодно стучались въ двери богачей и, получая повсюду отказъ, кое какъ влачили существованіе, пока какой-нибудь неожиданный случай—ударъ, паденіе, простуда, болѣзнь и т. д.,—не свалилъ ихъ съ ногъ и не заставилъ искать пріюта на случай смерти. Все это, разумѣется, ведетъ въ концѣ концовъ къ вынужденному приему такого матеріала, который больничному леченію не подлежитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаетъ шансы попасть на койку для чернорабочихъ, почти умирающихъ въ это время съ голоду.

VI.

Половодье, которымъ открывается весна, обрываетъ почти совсѣмъ рабочее движеніе. Оно замираетъ на цѣлый апрѣль, въ теченіе котораго городская бѣднота томится вынужденнымъ ничегонедѣланіемъ. Улицы наполняются десятками подозрительныхъ людей, спрашивающихъ милостыню. Статистика кражъ и покушеній на чужую собственность, нерѣдко сопровождающихся „самосудомъ“, увеличивается. Что-бы познакомиться въ это время съ жизнью чернорабочаго люда, надо побывать на мѣстныхъ базарахъ и постоялахъ дворахъ, биткомъ набитыхъ народомъ. Наилучшимъ для этой цѣли мѣстомъ скопленія безработныхъ людей будетъ такъ называемый Верхній базаръ. Это весьма оригинальный уголь, помѣщающейся почти въ центрѣ города, а по свойствамъ своимъ представляющій типичную окраину. Въ центрѣ этого обширнаго и достаточно грязнаго мѣста, ограниченаго съ одной стороны бойкими улицами, а съ другой оврагомъ, который отдѣляетъ его отъ Горъ, расположены магазины, ряды, лавченки со всякой всячиной, а въ окрестности видны харчевни и питейныя заведенія всякаго рода съ музыкой и „арфистками“. Еще дальше идутъ захолустья, улицы, состоящія почти сплошь изъ ночлежекъ и постоялыхъ дворовъ, и переулки, ходить по которымъ непріятно и въ добрую пору. Верхній базаръ это главный торговый узелъ города, связывающей центръ съ окраинами и продающій рѣшигательно все—отъ гвоздя до шляпы—, въ чемъ нуждается, мелкій потребитель. Народа здѣсь всегда множество. Подгородніе крестьяне, прасолы, мясники, булочники, лица неопредѣленныхъ профессій, чернорабочіе и босяки,—все это толпится здѣсь съ утра до вечера, торгуясь или предлагая товаръ. Приемы обмѣна тутъ самые примитивные: люди хлопаютъ другъ друга по правой рукѣ, а лѣвой придерживаютъ карманы. „Купцы“ имѣютъ иногда столь неосновательный видъ, что вопросъ о принадлежности имъ товара можетъ быть разрѣшенъ лишь посредствомъ дознанія. Оттого возгласы: „что покупаете, почтеннѣйшій?“ и „караулъ!“ чередуются съ такимъ постоянствомъ, что ими не смущается уже ни обыватель, крѣпко зажавшій

въ рукѣ кошелекъ, ни представитель порядка, виолнѣ убѣжденный, что съ этимъ народомъ все равно ничего не сообразишь.

И дѣйствительно, „сообразить“ среди невозможнаго шума и гама, который стоитъ на базарѣ, даже привычному человѣку трудно; вся жизнь здѣсь вынесена на улицу: всякій пьетъ и ѣстъ и веселится по своему подѣ открытымъ небомъ, среди кучъ старыхъ опорковъ, сломанныхъ подсвѣчниковъ, самоваровъ и прочаго старья, разсыпаннаго прямо на землѣ и охраняемаго торговцами. Тутъ-же гдѣ нибудь рядомъ разбиваютъ желѣзную полосу, обдѣлываютъ ведро или тазъ, повсюду стучать и колотятъ на разные лады и всякими способами. Въ проходахъ толпа спорящаго и торгующагося сѣраго люда, который находится въ постоянномъ движеніи. На каждомъ шагу васъ толкаютъ и обгоняютъ люди, обвѣшанные цѣпочками, звенящіе проволочными издѣліями или свистящіе соловьями; бабы въ нѣсколькихъ шапкахъ на головахъ, пирожники съ лотками, отъ которыхъ разитъ постнымъ масломъ, или татары со всякимъ хламомъ на плечахъ и въ рукахъ.

Происшествій на базарѣ всегда не оберешься: то расправятся „смертнымъ боемъ“ съ какимъ-нибудь плутомъ, промыляющимъ двухъ орловою гривной, то стянутъ у зазѣвавшейся рыбницы пару селедокъ, подсунутъ деревенскому простецу фальшивый цѣлковый или золотое кольцо, по справкамъ оказывающееся мѣднымъ. И вѣчно волнующійся и шумящій толкунъ начинаетъ шумѣть еще больше, пока не восторжествуетъ правосудіе, т. е. пока городской не возьметъ поперекъ живота какую нибудь криминальную личность, не уложитъ ее на извозчика и не скроется съ нею за угломъ ближайшаго переулка.

Неудивительно поэтому, что Верхній базаръ носитъ до нашихъ дней присущія ему черты свободолюбивый „вольницы“, когда-то разгуливавшей по Волгѣ и наводившей трепетъ на мирныхъ обывателей Саратовскаго края. Историкъ найдетъ здѣсь любопытныя черты давно забытой старины, художникъ взглянетъ на коллекцію усатыхъ, бородатыхъ, иногда плутовскихъ, иногда чисто разбойничихъ рожъ, на картинную небрежность костюмовъ и позъ, а обыкновенный смертный брезгливо отшатнется отъ какой нибудь толкающейся чуйки и съ облегченіемъ вздохнетъ, когда нога его послѣ изрытой площади толкуна ступитъ на асфальтъ чистыхъ улицъ.

(Если вы выберетесь изъ базарной толчеи и пройдете ряды по направленію къ „Горамъ“, то вниманіе ваше несомнѣнно будетъ привлечено окружающими кварталами. Непрерывномъ кольцомъ вокругъ толкуна здѣсь расположились трактиры съ подслѣповатыми окнами, которыя словно щурятся на народъ, высматривая жертвы. И жертвы дѣйствительно, понемногу бредутъ да бредутъ. Скрипучія двери съ визгомъ отворяются внутрь, пропуская посѣтителей и на

минуту распахивая широкую часть вертепа, изъ котораго слышны пьяные крики, звонъ посуды и нестройный гулъ голосовъ. Если у васъ хватить духа войти сюда, вы долгое время будете разбираться въ той полутьмѣ, которая сразу окружить васъ. Присмотрѣвшись, вы увидите закопченный потолокъ и грязныя стѣны, потныя окна, замѣтите раскрасяѣвшихся, кричащихъ и цѣлюющихся людей, которые сидятъ за столиками съ пивомъ, водкой и чаемъ, а между ними различите отрепанныхъ маркеровъ, половыхъ, накрашенныхъ „мамзелей“ и заморенныхъ пѣвцовъ, которые приготавливаются къ выступленію на эстрадѣ. Вы увидите, однимъ словомъ, самый обыкновенный „шантанъ“, приспособленный къ средствамъ и вкусамъ дешеваго и неприхотливаго потребителя. Здѣсь и мастеровые, и извозчики и приказчики, здѣсь и тотъ сомнительныхъ и неопредѣленныхъ профессій народъ, который устремляетъ свое вниманіе больше на то, что плохо лежитъ; здѣсь кутить мелкій чиновникъ, и вырвавшійся изъ деревни, безпутный „тятенькинъ сынокъ“, и пропившейся босякъ, который примазывается къ компаніи въ чайнии словить рюмку водки. Изъ отдѣльныхъ кабинетовъ доносится звонъ разбитаго стакана, визгаивый смѣхъ какой нибудь веселой дѣвицы, иногда нестройный хоръ подгулявшихъ голосовъ или прозвучить споръ, пересыпанный руганью вмѣстѣ съ рукоприкладствомъ.

Тоже самое въ сущности происходитъ и въ окружающихъ харчевняхъ и чайныхъ попроче. Вездѣ и всюду толпа порядочно „нагруженныхъ“ и закусывающихъ огурцемъ или селедкой гостей. Вла вообще для этой искушенной городскими удовольствіями публики— послѣднее дѣло. Былъ бы кусокъ хлѣба,—и ладно. Главное необходимо выпить. И навстрѣчу этой потребности гостепріимно открыты цѣлыя сотни всевозможныхъ учрежденій, въ которыхъ спускается каждый заработанный на базарѣ грошъ. Загляните въ дешевую столовую, и вы замѣтите въ помѣщеніи, рассчитанномъ на полсеотню мѣстъ, всего какихъ-нибудь трехъ-четырехъ хлебающихъ щи чловѣкъ. Перейдите въ сосѣднюю распивочную, и васъ сразу встрѣтитъ гомонъ десятковъ хмельныхъ голосовъ. Не удивительно поэтому, какъ рѣзко сокращается продолжительность жизни городского черно-рабочаго. Плохо одѣтый и обутый, скитающійся, Богъ знаетъ, гдѣ, переносящій на собственномъ тѣлѣ всѣ невзгоды нашего крайне непостояннаго и суроваго климата, онъ быстро старѣется, теряетъ силу и получаетъ типичный обликъ „галаха“, у котораго нѣтъ никакихъ надеждъ на будущее и одно желаніе: какъ нибудь скоротать день.

Посмотрите на многочисленныя „казенки“ въ тѣ часы, когда около нихъ толпится рабочій людъ, и вы убѣдитесь, что это дѣйствительно такъ. Трудно представить себѣ болѣе непріятное зрѣлище, Полуодѣтые, трясушіеся отъ сырости и холода люди жадно глотаютъ водку около какого нибудь заллеваннаго забора и рядомъ съ жело-

бомъ, изъ котораго падаеть на грязную землю струя дождевой или снѣговой воды. Какая тутъ пестрая смѣсь лицъ, изборожденныхъ морщинами, землисто-блѣдныхъ или же неестественно опухшихъ отъ непрерывнаго употребленія „напитка“! Какія богатырскія плечи и руки иногда встрѣтите вы среди этого скучившагося на троттуарѣ „галашья“, которое перебивается здѣсь потому, что опустилось до послѣднихъ степеней человѣческаго паденія и представляетъ собою только „лишній запасъ національныхъ силъ, не находящихъ себѣ полезнаго примѣненія“.

И вотъ теперъ, когда кончается день, и постепенно пустѣють базарныя лавченки, закрываются лари, и уносятъ свои лотки мелкіе торговцы, когда дневного заработка больше не предвидится, этому „лишнему запасу“ надо подумать о ночлегѣ. Поэтому тѣ, у кого есть собственные углы, разбредаются по узенькимъ и кривымъ улицамъ, спускающимся въ оврагъ, и исчезаютъ въ лачугахъ, населенныхъ всякою бѣднотою. Ночлежники остаются дольше. Обстановка пріютовъ, въ которыхъ проводится ночь, какъ мы увидимъ ниже, не слишкомъ располагаетъ къ отдохновенію, а потому во что бы то ни стало надо какъ-нибудь убить вечеръ. И бездомная голытьба бродитъ отъ однихъ освѣщенныхъ кабацкихъ оконъ до другихъ, по временамъ натыкалась на тумбы или неподвижныя тѣла уснувшихъ подъ открытымъ небомъ пріятелей, которые „хватили лишку“. Бродитъ въ глубокой тьмѣ съ тяжелою головою, разбитымъ сивухою тѣломъ и единственной мыслью о томъ, какъ бы забыть эту непріятную вещь, которая называется жизнью, и уснуть долгимъ освѣжающимъ сномъ.

VII.

Жилищный вопросъ, вообще довольно острый въ Саратовѣ, имѣетъ особенное значеніе для бѣдноты, которой приходится рассчитывать всякій заработанный грошъ. О какихъ нибудь удобствахъ ей мечтать, слѣдовательно, нечего: лишь бы только не замерзнуть зимою и не очутиться на улицѣ подъ проливнымъ дождемъ осенью. Сообразно съ этими минимальными требованіями и строятся помѣщенія, которыя служатъ ночлегами какъ пришло, такъ и мѣстнаго черно-рабочаго населенія. О ночлежкахъ, принадлежащихъ городу, мы скажемъ послѣ; пока-же познакомимся съ частными учрежденіями этого рода, расположенными по улицамъ, окружающимъ Верхній базаръ. Среди обычной городской суеты здѣсь идетъ движеніе чисто деревенское. Медленно ѣдутъ возы, запряженные тощими лошадачками, тянется сѣрое мужичье, шелкають подсолнухами бабы, таращатъ глаза на невиданныя диковинки ребятишки. Подъ многочисленными навѣсами идетъ бойкій торгъ мочалой, дегтемъ, сѣномъ, баранками, воблой и прочими удовольствіями, до которыхъ падохъ русскій человѣкъ.

Среди этих невзрачных лавчонок на каждом шагу попадаются чайныя, пивныя, харчевни и третьеразрядные номера, населенные самой разнообразной публикой. Постоялые дворы въ Саратовѣ имѣютъ нѣсколько типовъ. Наилучшими являются номера, содержимые богатыми колонистами нѣмцами, довольно чистые и опрятные, хотя и безъ особыхъ затѣй. При нихъ имѣется обыкновенно подворье съ крытымъ навѣсомъ, конюшнями, стойлами и остальными принадлежностями для лошадей. Публика останавливается здѣсь чистенькая: деревенскіе батюшки съ семьями, торговый уѣздный людъ и всевозможные промышленники, обдѣлывающіе въ городѣ свои коммерческія дѣлишки. Общій складъ жизни довольно благообразенъ: имѣется буфетъ, звонки, прислуга, могущая нацарапать счетъ, и общій залъ съ выцвѣтшими олеографіями и незатѣйливой обстановкой.

Бокъ о бокъ съ подобными номерами существуютъ и худшіе. Въ сущности это дома свиданій, и при томъ самаго нисшаго сорта. Оборванные обои, заплеванные полы, сырость и грязь, топотъ грубыхъ сапогъ, пьяная брань, циническій хохотъ за перегородкой, иногда звукъ оплеухи или звонъ разбитой посуды—являются ихъ главнѣйшими признаками. Служать эти притоны по преимуществу для проституціонныхъ дѣлей и представляютъ собою вѣчный и неизсякаемый источникъ всякихъ приключеній: то отберутъ здѣсь у купческаго сына бумажникъ и выпустятъ въ заключеніе „безъ присяги“, т. е. въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ мать родила; то опять кого-нибудь дурманомъ и выкинутъ на улицу; сегодня произойдетъ здѣсь то, что на полицейскомъ языкѣ называется „дебошемъ“, завтра кого-нибудь пырнуть кинжаломъ, а послѣ завтра одна изъ „этихъ“ дѣвицъ хватитъ нашатырнаго спирта и т. д. безъ конца. Имѣются при этихъ учрежденіяхъ для видимости и взъѣзжіе дворы, но случайный ихъ постоялецъ, какой-нибудь захолустный отецъ діаконъ, привлеченный дешевизной постоя, спѣшитъ послѣ перваго же происшествія откочевать въ болѣе тихія и благонравныя мѣста и долго отплеивается потомъ отъ полученныхъ имъ въ губернскомъ содомѣ впечатлѣній.

Въ нисходящемъ порядкѣ далѣе слѣдуютъ просто постоянные дворы,—обширныя грязныя пространства съ навѣсами вокругъ и хатой впереди, въ которой помѣщается иногда и мелочная лавченка. Здѣсь останавливаются только крестьяне. Подворье служитъ главнымъ образомъ для постоя лошадей. Царить на немъ обыкновенно самая классическая, просящаяся на картину, грязь. Груды навоза занимаютъ всѣ свободные углы и закоулки. Въ срединѣ торчитъ срубъ помойной ямы, въ которую яко-бы сбрасываются нечистоты. Рядомъ примитивное приспособленіе, вродѣ отхожаго мѣста, путь къ которому загаженъ помоями, картофельными отбросами, тряпьемъ и битыми бутылками. Среди мусора бродятъ куры, въ навозныхъ кучахъ роется свинья съ потомствомъ. Крестьянинъ, заѣзжающій сюда, по преимуществу подгородній. Является онъ раннимъ утромъ, становится прямо на базаръ

и, только продавъ свой хлѣбъ или сѣно, завертываетъ сюда, чтобы сбѣгать въ ряды за покупками. Остающіеся на нѣсколько дней ночуютъ лѣтомъ на возахъ, а осенью и зимой ложатся въ хатѣ, гдѣ устроены для этой цѣли нары. У каждаго села имѣется свой излюбленный дворъ, а потому „страннихъ“ людей вы встрѣтите рѣдко: все больше свои, связанные съ хозяиномъ давнимъ знакомствомъ, а иногда и родственными узами. „Галаховъ“ сюда не пускаютъ, и безобразіе здѣсь встрѣчается на общемъ фонѣ дѣловой, чисто крестьянской жизни, какъ исключеніе.

Далеко хуже этихъ подворій постоянные дворы чисто городского типа. Это въ сущности тѣ-же ночлежки, но содержимыя частными лицами. При недостаткѣ мѣстъ въ городскихъ помѣщеніяхъ онѣ служатъ пристанищемъ для той части населенія, которая занимается черной работой, и не имѣетъ ни семьи, ни угла. Никто и никогда, повидимому, не предъявлялъ къ этимъ учрежденіямъ санитарныхъ требованій, казалось-бы, обязательныхъ для домохозяевъ подобнаго рода, такъ какъ здѣсь помѣщается отъ 40 до 50 процентовъ всѣхъ ночлежниковъ г. Саратова. Поэтому не ищите тутъ ни свѣта, ни воздуха, ни вентиляціи. Низенькая комната съ испачканными кровью насѣкомыхъ стѣнами, съ бѣгающими повсюду тараканами и одною сплошною нарой, на которой спать въ повалку,—вотъ и все. Иногда углы эти помѣщаются въ подвальныхъ этажахъ, сырыхъ и мрачныхъ, напоминающихъ скорѣе логово животнаго, нежели жилище рабочаго человѣка, которому требуется на нѣсколько часовъ покой и мускульный отдыхъ. Объ отдыхѣ здѣсь, впрочемъ, думаютъ мало. Обитаетъ въ этихъ „собачьихъ пещерахъ“ совершенно опустившаяся, въ долгъ живущая голытьба, всевозможные калѣки и убогіе, выставляющіе на перекресткахъ свои изуродованные члены, мелкіе воришки, пропойцы и т. д. вмѣстѣ съ мужчинами почуютъ обыкновенно и женщины. Особого соблазна однако, по увѣренію хозяевъ, въ этомъ нѣтъ, такъ какъ ложатся ночлежники „не дуромъ какъ-нибудь, а чинно—благородно парами“. Водочка, картежь, „ремешокъ“, въ который вовлекаютъ какого-нибудь простоватаго деревенскаго парня, и прочія азартныя игры составляютъ здѣсь главнѣйшее и постоянное время препровожденія. Отъ „зари до зари“ все пьяно до „положенія ризъ“ и просыпается лишь для того, чтобы раздобыть гривенникъ и снова закружиться въ хмельномъ угарѣ.

Какъ ни плохи собственные углы чернорабочихъ, снимаемые ими гдѣнибудь въ затонѣ, въ оврагахъ или же на отдаленныхъ улицахъ, все таки недостатки ихъ блѣднѣютъ, какъ мы видимъ, передъ „удобствами“ постоянныхъ ночлежныхъ дворовъ, съ которыми мы познакомились выше. Углы эти, разумѣется, не выдерживаютъ ни малѣйшаго сравненія съ деревенскими хатами. Въ самыхъ условіяхъ сельской жизни есть факторы, облегчающіе жизненное бремя бѣдняковъ: чистый воздухъ, менѣе загрязненная почва, иногда доброка

чественная вода, а, главное, присутствіе хозяйки. Женщинъ же среди городскихъ чернорабочихъ, какъ извѣстно, менѣе мужчинъ. Роль и значеніе ихъ тоже иныя: заниматься устройствомъ домашняго гнѣзда въ городѣ, едва дающемъ на пропитаніе, имъ некогда. Да и самое „гнѣздо“, въ которомъ обитаетъ нѣсколько семей, кое какъ ютящихся въ немъ, едва заслуживаетъ названіе жилища. Грязь и убожество здѣсь всегда поразительныя. Никакими способами вывести ихъ невозможно, потому что преобладаніе мужского элемента уже само по себѣ ведетъ къ запущенности и беспорядку. Даже „золотыя“ руки бессильно опустятся при видѣ цѣлой толпы оборванныхъ, невымытыхъ и закопченныхъ мужиковъ, которые приходятъ лишь для того, что-бы насорить, переночевать и затѣмъ съ раняго утра исчезнуть. Присутствіе дѣтей еще болѣе ухудшаетъ санитарныя условія угловъ и создаетъ такую обстановку пріютовъ нищеты, о которой трудно составить себѣ понятіе, не побывавъ гдѣ-нибудь на Валовой улицѣ или въ Бѣлоглинскомъ оврагѣ.

И тѣмъ не менѣе углы эти, по нашему мнѣнію, безконечно лучше ночлежекъ, такъ какъ въ нихъ проходитъ трудовая, а не праздная жизнь. Нужда—могучій стимулъ для проявленія и развитія тѣхъ способностей, которыя находятся въ зачаткѣ у бѣдняка. Какой-нибудь случайный толчекъ, крошечная посторонняя помощь, иногда просто участіе,—и погибающій человѣкъ оживаетъ духомъ, съ новой энергіей принимается за работу. Семья или артель являются поэтому послѣдній нитью на которой виситъ судьба чернорабочаго. Порвется эта нить,—и больше нѣтъ мастераго, грузчика или поденщика, а есть „галахъ“, которому остается только по возможности скорѣе окончить брѣнное свое существованіе. Эти трагедіи маленькихъ незамѣтныхъ людей такъ часты и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ рѣдко доходятъ до нашего вниманія, что мы склонны объяснять ихъ просто неблагопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Но трагедія заключается не въ томъ, что человѣкъ опустился до самаго „дна“ жизни, а въ томъ, что онъ не способенъ уже подняться изъ этого омута, ибо духовныя силы его всѣ растрчены и нѣтъ сознанія, которое прежде подсказывало ему необходимость борьбы.

VIII.

О размѣрахъ лѣтняго движенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ болыничныя цифры почти не даютъ никакого понятія; онѣ указываютъ лишь, что обрацаемость достигаетъ въ это время своей высшей точки. Горячая пора сѣнокосовъ и уборки хлѣбовъ привлекаетъ огромныя толпы народа, который, скопляясь въ городѣ, лишь на короткое время остается на мѣстныхъ базарахъ, иногда нанимается здѣсь, иногда нѣтъ, и въ послѣднемъ случаѣ торопится перебраться за Волгу. Саратовъ въ этомъ случаѣ является, какъ и всегда, ти-

пичнымъ проходнымъ пунктомъ, въ которомъ задерживаются отсталые, больные, уставшіе люди и т. д. Въ общей массѣ чернорабочихъ, скопляющихся на мѣстахъ наемокъ, встрѣчаются и женщины съ дѣтьми, но преобладающимъ элементомъ являются мужчины. Въ теченіе первой половины лѣта это по большей части пришлый на родъ: Пензяки, Тамбовцы и пр., а съ іюня—Саратовцы, которыхъ легко отличить по вѣдності и костюму отъ заморенныхъ и одѣтыхъ въ рубище „страннихъ“ людей.

Рабочіе приходятъ въ большинствѣ случаевъ пѣшкомъ, останавливаются подъ открытымъ небомъ, ночуютъ здѣсь и затѣмъ отправляются на пристань. Въ ночлежные дома, вообще пустующіе лѣтомъ, они не заходятъ.

Общіе понятіе о лѣтнемъ движеніи сельскихъ рабочихъ можно составить по двумъ источникамъ: съ одной стороны по отчетамъ, вывѣдующихъ лечебно-продовольственными пунктами, разсѣянными по рабочимъ трактамъ губерніи, а съ другой по аналогичнымъ даннымъ, тщательно собраннымъ и изданнымъ Самарскимъ губернскимъ земствомъ въ 1899—90 г. г. Передвиженіе рабочихъ по Саратовской губерніи совершается по изстари проложенныхъ дорогамъ которыя когда-то соединяли наиболѣе бойкіе и торговые пункты губерніи, а въ настоящее время, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ служатъ лишь для цѣлей внутренняго сообщенія и передвиженія пѣшеходовъ.

Такихъ „большихъ“ дорогъ насчитывается въ губерніи нѣсколько. *) Сравнительно съ числомъ ихъ количество врачебно-наблюдательныхъ пунктовъ ничтожно (4—5), и данныя ихъ, разумѣется, не соотвѣтствуютъ объему всего наблюдаемаго явленія. Они интересны лишь постольку, поскольку даютъ намъ возможность познакомиться съ санитарной стороною жизни отхожаго населенія и выяснить его составъ.

Въ 1908 г. на 4 пунктахъ (Баланда, Елань, Петровскъ и Хвалыньскъ) отмѣчено всего 21168 ч. Цифра эта меньше, нежели въ прежніе годы, за исключеніемъ 1903 давшаго 16212 ч. **).

Начало дѣятельности пунктовъ относится къ 1-мъ числамъ іюня. Заканчивается ихъ работа, какъ видно изъ отчета, къ 15 августа. Между тѣмъ мы знаемъ, что рабочее движеніе открывается съ ранней весны, а впоследствии убѣдимся въ томъ, что обратная волна его тянется всю осень вплоть до глубокой зимы. Наблюденія пунктовъ

*) Большой *Пензенскій* трактъ идетъ изъ Пензы черезъ Петровскъ на г. Саратовъ и Покровскую Слободу. *Воронежскій* трактъ—черезъ г.г. Балашовъ и Аткарскъ на Саратовъ, *Тамбовскій*—черезъ с. Турки, Аркадакъ и Макарово (Балашовскаго уѣзда) и т. д. на Саратовъ.

**) См. „Очеркъ дѣятельности лечебно-продовольственныхъ пунктовъ на рынкахъ найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Саратовской губерніи за 1908 г.“ В. П. Соловьева. „Врачебно-санитарная хроника Саратовской губерніи Апр. 1909 г.

охватываютъ такимъ образомъ весьма незначительный періодъ времени, и потому годовыя колебанія цифръ, подмѣченныхъ отчетомъ, имѣютъ второстепенное значеніе.

Несомнѣнно одно лишь, что кривая рабочаго движенія имѣетъ опредѣленный и не смѣняющійся типъ. Въ теченіе іюня мѣстные рынки пустѣютъ, и скопленіе рабочихъ ничтожно, составляя не болѣе 2, 3⁰/₀—5, 3⁰/₀; въ первую половину іюля кривая быстро поднимается вверхъ (51, 4⁰/₀), держится довольно высоко въ теченіе второй половины іюля и круто падаетъ въ первую половину августа почти до первоначальнаго своего уровня, что, безъ сомнѣнія, объясняется тѣмъ что въ это время мѣстное крестьянство занято своею уборкой а пришлое уже давно работаетъ на мѣстахъ.

По мѣстожительству рабочіе распределяются слѣдующимъ образомъ:

Губерніи.	% къ общему числу рабочихъ.
Пензенская	3,65 ⁰ / ₀
Тамбовская	0,52 ⁰ / ₀
Область Войска Донскаго	0,05 ⁰ / ₀
Рязанская	0,12 ⁰ / ₀
Воронежская	0,03 ⁰ / ₀
Симбирская	3,55 ⁰ / ₀
Саратовская	90,96 ⁰ / ₀

Преобладающей группой на мѣстахъ найма, какъ видимъ, являются жители Саратовской губерніи, а затѣмъ Пензяки и Симбирцы. На различныхъ пунктахъ отношеніе это нѣсколько видоизмѣняется. Такъ, на Петровскомъ пунктѣ Пензяковъ 28,13⁰/₀. На Хвалынскомъ жители Симбирской губерніи составляютъ уже не 3,55⁰/₀, а 5,25⁰/₀. Вообще слѣдуетъ сказать, что рынки найма заполняются главнымъ образомъ ближайшими рабочими, а избытокъ рукъ направляется въ болѣе отдаленные пункты или же въ другія губерніи. Особенно ясно становится это при сличеніи приведенныхъ цифръ съ таблицами, полученными по другимъ областямъ. Напримѣръ, въ Симбирской губерніи, ежегодно доставляющей на сторону до 20⁰/₀ избытка своего рабочаго населенія, распределеніе послѣдняго таково: *)

Губерніи.	%.
Симбирская	77,7
Саратовская	7,7
Пензенская	7,7
Самарская	2,0
Казанская	2,0
Нижегородская	1,0
Другія губерніи	1,0—2,0

*) См. Н. Тезяковъ. „Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югѣ Россіи“ ПБ. 1902 г.

Районъ, снабжающій Самарскую губернію, еще болѣе обширенъ. По даннымъ 1898 г., въ теченіе котораго отмѣчено по губерніи до 90.962 сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, онъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи.	%.
Саратовская	30,3
Пензенская	28,6
Самарская	26,9
Симбирская	6,5
Нижегородская	2,9
Тамбовская	1,3
Казанская	6,7
Другія губерніи	3,7

Изъ этихъ таблицъ вытекаютъ два положенія: 1) жители Саратовской губерніи являются главнымъ элементомъ найма у себя дома и 2) значительное число ихъ этой работы не находитъ и направляется за Волгу, гдѣ имъ приходится конкурировать съ пензяками, скопляющимися здѣсь въ большихъ количествахъ. Такъ напр., въ сл. Покровской, гдѣ лѣтомъ насчитываются на базарахъ десятки тысячъ пришлаго народа, жители Пензенской губерніи составляютъ 68,8%, между тѣмъ какъ Саратовцы всего 19,5%, а Самарцы 4%. Тоже самое наблюдается и въ другихъ пунктахъ найма, на примѣръ въ М. Узенѣ, гдѣ Пензяковъ бываетъ до 92%. Наплывъ этого неимущаго и потому дешево цѣнимаго народа здѣсь настолько великъ, что коренному Самарскому населенію приходится идти въ болѣе глухія мѣста, до которыхъ не успѣваетъ добраться заморенный долгой дорогой Пензякъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что, на примѣръ, въ с. Любимовкѣ Бузулукскаго уѣзда преобладаютъ уже Самарцы; 79,8% ихъ наблюдается и въ Тамбовскомъ хуторѣ Николаевскаго уѣзда; большія количества встрѣчаются также и въ с. Дьяковкѣ, и на хуторѣ Муравьевкѣ Новоузенскаго уѣзда. Причины заполнения ближайшихъ рынковъ найма пришлымъ людомъ, такимъ образомъ, очень просты. Онѣ находятся въ прямой зависимости отъ пройденнаго пути: чѣмъ онъ длиннѣе, тѣмъ меньше требуетъ за свой трудъ пришлый рабочий. Эта необходимость поскорѣ наняться для жителей отдаленныхъ губерній ярче всего иллюстрируется слѣдующими цифрами.

По продолжительности пути рабочіе, бывающіе въ Самарской губерніи, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1—4 дня	50%
4—14 дней	40%
болѣе 2 недѣль	10%

Самый путь совершается ими различно:

34,7%—идутъ пѣшкомъ.

18⁰/₀—лодками, подводой и ж. д.

33⁰/₀—всю дорогу подводой.

6,4⁰/₀—пароходомъ.

Въ сл. Покровской отмѣчено сдѣлавшихъ весь путь пѣшкомъ 70⁰/₀. Если припомнить, что пришлыхъ Пензяковъ въ ней также до 70⁰/₀, то не удивительно, что работа разбирается ими по какой угодно цѣнѣ, такъ какъ 14⁰/₀ изъ общей массы отхожаго населенія питаются въ дорогѣ Христовымъ именемъ и лишь 18⁰/₀ имѣютъ деньги, а 27⁰/₀ свой хлѣбъ. Тяжесть положенія увеличивается еще присутствіемъ дѣтей. Въ возрастѣ до 7 лѣтъ ихъ не менѣе 4,2⁰/₀; отъ 7 до 15 л.— 4,8⁰/₀. Среди 98,8⁰/₀ взрослыхъ 34,5⁰/₀ падаетъ на долю женщинъ, и 65,5⁰/₀ составляютъ мужчины.

Заболѣваемость рабочихъ также находится въ тѣсной связи съ длиною пройденнаго ими пути. Такъ на лечебно-продовольственныхъ пунктахъ Саратовской губерніи первое мѣсто принадлежитъ Тамбовцамъ (35⁰/₀); за ними слѣдуютъ Пензяки (19,2⁰/₀) и жители другихъ губерній, смежныхъ съ Областью Войска Донскаго (18,9⁰/₀). Ближайшіе къ Хвалынску Симбирцы даютъ всего 12⁰/₀, а у мѣстныхъ жителей ⁰/₀ заболѣваній не превышаетъ 6,9.

Изъ болѣзней, всего чаще встрѣчающихся, на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить желудочно-кишечныя. Ихъ до 23,8⁰/₀, при чемъ 20⁰/₀ приходится на острия, т. е. полученныя въ дорогѣ заболѣванія.

Второе мѣсто принадлежитъ разстройствамъ органа зрѣнія (18⁰/₀). Затѣмъ слѣдуютъ болѣзни кожи и подкожной клѣтчатки (10⁰/₀), малярія (6,5⁰/₀) и травмы различнаго рода (5,8⁰/₀). Кромѣ этихъ важнѣйшихъ категорій необходимо отмѣтить случаи первичнаго и вторичнаго сифилиса, дизентерію, паразитическія заболѣванія (4,5⁰/₀) и страданія двигательнаго аппарата (4,9⁰/₀).

По сравненію съ заболѣваемостью мѣстнаго населенія процентъ этотъ является повсюду значительно повышеннымъ, что можно видѣть изъ слѣдующей таблицы заболѣваемости, приведенной въ отчетѣ Самарскаго Губернскаго Земства.

	Мѣстные жители.	Пришлые.
Малярія	10,4 ⁰ / ₀	24 ⁰ / ₀
Глазныя болѣзни.	4,5 ⁰ / ₀	14,5 ⁰ / ₀
Болѣз. кожи и подк. клѣт.	7,8 ⁰ / ₀	8,9 ⁰ / ₀
Эпидемическія (дизент., тифъ)	7,0 ⁰ / ₀	7,5 ⁰ / ₀
Сифились	5,4 ⁰ / ₀	5 ⁰ / ₀

Цифровыя данныя, которыя мы позволили себѣ привести на предыдущихъ страницахъ, настолько характерны, что не нуждаются въ поясненіи. Въ нихъ не отмѣчены лишь тѣ стороны явленія, ко-

торыя не поддаются учету. Напомнимъ прежде всего о стихійности и безпорядности лѣтняго рабочаго движенія. Жители Саратовскаго края отлично знаютъ, что такое „страда“, потому что испытываютъ на себѣ въ это время тяготу отсутствія рабочихъ рукъ. Горячка эта, выражающаяся въ стремленіи бросить службу и заработать въ теченіе 1—2 мѣсцевъ 50—100 рублей, т. е. огромную по крестьянскимъ понятіямъ сумму, охватываетъ не только деревню но и наши мелкіе и крупныя города Цѣны на трудъ непомѣрно поднимаются, и всѣ мало мальски способные къ полевымъ работамъ исчезаютъ въ заволжскихъ степяхъ. Все это дѣлается обыкновенно, не на основаніи какихъ нибудь точныхъ данныхъ, а больше по слухамъ, по разговорамъ, безъ яснаго представленія о законахъ спроса и предложенія труда. Результаты сказываются очень скоро: одному посчастливилось, а десяти надо поскорѣе возвращаться назадъ или опять „по слухамъ“ тащиться повѣдомо въ какую глушь. Экономическая борьба пришлыхъ и мѣстныхъ крестьянъ выливается подчасъ въ самую ожесточенную форму въ видѣ „смертныхъ боевъ“ между своими и чужими на мѣстахъ крупныхъ наемокъ. Неорганизованныя, недисциплинированныя и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно нуждающіяся массы народа безтолково мечутся то туда, то сюда, въ одномъ селѣ запрашивая неимовѣрную цѣну, въ другомъ продавая себя за грошъ. Все это, безъ сомнѣнія, отражается какъ на нихъ самихъ, такъ и на сельскомъ хозяйствѣ, которое постепенно сокращается въ своихъ размѣрахъ и уменьшаетъ спросъ на рабочія руки. Если прибавить къ этому тяжелыя условія труда въ нашемъ непостоянномъ климатѣ, плохое питаніе и первобытную обстановку, въ которой проводятъ лѣто сельскіе рабочіе, то не удивительно, что для большинства изъ нихъ уборка становится дѣйствительной „страдой“ и отнимаетъ больше здоровья и силъ, нежели доставляетъ матеріальныхъ выгодъ.

IX.

Послѣ нѣсколькихъ недѣль лѣтняго затишья, свойственнаго наиболѣе горячей порѣ уборки,—августу мѣсяцу,—губернская больница снова начинаетъ переполняться народомъ, Ближайшей причиной этого являются холода: въ срединѣ сентября обыкновенно наступаетъ сезонъ степныхъ мордъ-остовъ, сразу выгоняющихъ бездомную голытьбу изъ различныхъ сараевъ, шалашей и т. п. „дачъ“, какъ ихъ въ шутку называютъ босяки. Городская бѣдность, еще вчера ходившая въ однихъ рубахахъ, облачается въ всевозможное тряпье. Фигуры въ рваныхъ женскихъ кофтахъ, истрепанныхъ шапкахъ и въ опоркахъ на босую ногу стремительно несутся, засунувъ въ рукава руки, отъ харчевни къ трактирамъ и начинаютъ наводнять пріемные покои.

Работа въ городѣ идетъ однако усиленнымъ темпомъ. Гремятъ мостовщики, стучатъ каменщики и плотники, вереницей тянутся

по улицамъ ломовики, доставляющіе съ пристаней всевозможный грузъ и т. д. Сентябрьская непогодъ продолжается обыкновенно недѣлю—другую, а затѣмъ снова наступаютъ теплые дни. Но рабочий сезонъ уже замѣтно подходитъ къ концу. На Волгѣ прекращается правильное пассажирское движеніе и остается одно грузовое. Благочиніе, съ трудомъ водворяемое на набережной лѣтомъ, въ это время совершенно отсутствуетъ: повсюду грязь, соръ и всякая нечисть. Караванъ рѣдѣетъ: баржи сводятся на безопасныя отъ бурь мѣста, конторки убираются, и на рѣкѣ по цѣлымъ днямъ снуютъ одни выхтящіе буксиры. Затѣмъ появляются заморозки, и жизнь окончательно замираетъ. Въмѣсто прежнихъ тысячъ рабочихъ глазъ вашъ замѣчаетъ лишь десятки людей, перетаскивающихъ съ баржи полѣнья или распиливающихъ брусъ. Волжскій улей близокъ къ смерти. Еще съ кормы запоздаваемаго парохода доносится иногда уханье и стукъ опускаемаго груза, но это уже послѣдніе звуки. Шумить теперь городъ, и отголоски этого шума доносятся до заснувшей рѣки.

Вмѣстѣ съ окончаніемъ навигаціи постепенно разбредаются и люди, кормившіеся лѣтомъ на Волгѣ. Сначала уходятъ крючники. Эти дюжіе молодцы живутъ обыкновенно на квартирахъ цѣлыми артелями, имѣютъ общій столъ, старосту и вообще устраиваются лучше другихъ чернорабочихъ, такъ какъ заработокъ ихъ при наличности огромнаго рѣчнаго движенія всегда обезпеченъ. Многіе изъ нихъ—молодой, свѣжій и неиспорченный народъ, который видигъ въ работѣ не только средство къ жизни но иногда и цѣль ея, равнодушенъ къ городскимъ соблазнамъ, бережливъ и копить деньги для того, что-бы отпраздновать ее въ семью. За весьма рѣдкими исключеніями всѣ они отправляются на зимовку домой и вновь возвращаются весною къ прежнему дѣлу. Артельное начало и чисто деревенскій укладъ жизни спасаютъ ихъ отъ преждевременнаго истощенія и упадка силъ, который наблюдается у одиночекъ, иногда бьющихся цѣлыми годами только изъ за того, что-бы не умереть голодной смертью.

Вслѣдъ за крючниками собираются въ путь матросы, кочегары, водоливы и другіе служащіе пароходовъ и баржъ. Изъ нихъ зимуютъ въ городѣ только тѣ, которые оставлены хозяевами въ затонахъ около каравановъ судовъ.

Нѣсколько позже приходитъ пора отправляться домой и городскимъ рабочимъ. Строительный сезонъ конченъ, и потому въ нихъ нѣтъ болѣе нужды. Долше другихъ живутъ слесаря, но съ сокращеніемъ работъ и этимъ послѣднимъ становится невозможно конкурировать съ мѣстными мастерами, давно знакомыми заказчикамъ.

Въ городѣ остаются въ это время лишь тѣ чернорабочіе, которые стали уже его постоянными жителями. Въ эту обширную категорию входятъ люди всевозможныхъ профессій. Здѣсь есть и грузчики,

дѣлающіеся въ зимнюю пору ломовыми извозчиками, ремесленники всѣхъ сортовъ, дровосѣки, старьевщики, мелкіе торговцы и т. д. Преобладающимъ типомъ является однако класическій „галахъ“, т. е. существо безъ опредѣленныхъ занятій и мѣстожительства, всегда оборванное, голодное, нерѣдко пьяное, скитающія по ночлежнымъ домамъ, а въ понедѣльникъ просыпающіяся въ „алкоголикахъ“, — полицейскомъ пріютѣ для вытрезвленія. „Галахъ“ этотъ составляетъ такую-же особенность саратовской жизни, какъ лаццарони у итальянцевъ. Въ своемъ фантастическомъ одѣяніи, состоящемъ изъ разноцвѣтныхъ и кое какъ сшитыхъ кусковъ всякой рвани, нерѣдко продавленнаго котелка или шляпы безъ полей, онъ встрѣчается повездѣ и всюду: на людныхъ улицахъ съ обрывкомъ старой газеты которая является только деликатнымъ предлогомъ вступить въ разговоръ; на базарахъ около нагруженныхъ провизіей и скупающихся на извозчика хозяекъ; на паперти храмовъ, преимущественно-же въ мѣстахъ своего наибольшаго процвѣтанія, т. е. въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ трактирами и ночлежками или около масленокъ, куда охотно принимаютъ „голыхъ“ людей, весьма нетребовательныхъ, благодаря несовершенствамъ своего костюма.

Вслѣдствіе массоваго отхода рабочаго населенія Саратовъ, казалось-бы, долженъ былъ замѣтно пустѣть осенью. Въ дѣйствительности однако этого не происходитъ, такъ какъ съ сентября начинается *обратное движеніе сельскихъ рабочихъ съ юга на сѣверъ*.

X.

Обратное движеніе чернорабочихъ, будучи явленіемъ постояннымъ, изъ года въ годъ повторяющимся, имѣетъ, разумѣется свои законы, какъ и весеннее. Оно начинается по окончаніи полевыхъ работъ и тянется съ сентября по ноябрь, когда уже окончательно устанавливается зима. Въ это время волжскіе пароходы обыкновенно бываютъ наполнены крестьянской массой, цѣлыми артелями пробирающейся на родину. Количество этихъ переселенцевъ постепенно возрастаетъ ко концу навигаціи, когда неправильно рейсирующие и по суткамъ задерживающіеся на станціяхъ „американцы“ и „самолеты“ оказываются сплошь наполненными живымъ и мертвымъ грузомъ. Живой грузъ, правда, не приноситъ предпринимателямъ столько дохода, сколько безчисленные клады съ товаромъ, но все таки онъ принимается и заполняетъ всѣ оставшіеся отъ мѣшковъ, желѣза, экипажей и прочей рухляди мѣста. Сѣрая масса, тоже въ свою очередь увѣшанная мѣшками и сундуками, терпѣливо ждетъ на остановкахъ, ютится около раскаленныхъ печей и машинъ, спасаясь отъ сквозняковъ и холода, и медленно тянется кверху, постепенно выбрасывая на станціяхъ толпы народа.

Городъ наполняется въ это время артелями „страннихъ“ людей, пробирающихся дальше пѣшкомъ или по желѣзной дорогѣ. Появ-

ляются въ большомъ количествѣ они и въ мѣстныхъ больницахъ. Доставляетъ ихъ главнымъ образомъ Волга, такъ какъ условія работы на ней въ связи съ ухудшеніемъ погоды становятся все труднѣе труднѣе. *)

Среди этихъ отставшихъ отъ артелей рабочихъ вы раньше всего встрѣтите какого-нибудь вятича или пермяка, забравшагося, Богъ въсть, изъ какой глуши, терпѣвшаго на баржѣ и холодъ и сырость, переболѣвшаго лѣтомъ лихорадкой или дизентеріей и, наконецъ, доставленнаго въ пріемный покой сердобольнымъ хозяиномъ, который тутъ-же безслѣдно исчезаетъ въ толпѣ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ вы убѣждаетесь, что, пока было тепло, больной перемогался; потомъ его кое-какъ терпѣли на баржѣ кормили, затѣмъ нѣсколько разъ пытались подбросить въ попутныхъ городахъ и въ концѣ концовъ удачно осуществили этотъ пріемъ въ Саратовъ. Денегъ у вятича нѣтъ, говоритъ онъ, Богъ знаетъ какимъ, лѣснымъ языкомъ и устроиться въ городѣ совершенно не можетъ. Его надо вылечить, а затѣмъ непременно отправить на родину, иначе онъ останется на зиму и увеличитъ собою сословіе ночлежниковъ. **)

Наиболѣе значительный процентъ больныхъ маляріей, тифомъ и всевозможными простудными заболѣваніями (воспаленіе легкихъ, плевритъ и т. д.) даютъ въ это время плоты. Можно лишь удивляться какимъ образомъ на нихъ живутъ при постоянномъ холодѣ, сырости и вѣтрѣ люди, совершенно не защищенные отъ непогоды, если не считать тѣхъ сквозящихъ щелями шалашей, которымъ присваивается обыкновенно названіе „теплушекъ“. Немудрено поэтому, что плотовщики, не смотря на выносливость и привычку, начинаютъ сдавать къ осени, когда на Волгѣ разыгрываются нещучные вѣтры, а иногда цѣлыми ведѣлями стоятъ бури. Многіе изъ этихъ рабочихъ наняты на цѣлый сезонъ, а потому во что-бы то ни стало хотятъ дотянуть до срока, временно помѣститься въ больницу и, выздоровѣвъ, отправиться домой вмѣстѣ съ земляками. За отсутствіемъ лечебныхъ заведеній путейскаго вѣдомства, всѣ эти больные находятъ пріютъ въ мѣстныхъ больницахъ, по существу своему назначенныхъ служить только для цѣлей мѣстнаго населенія.

*) По расчету доктора Десятова („О врачебной помощи судорабочимъ“. Казань 1904 г.) на Волгѣ бываетъ ежегодно отъ 20 до 30 тысячъ больныхъ судорабочихъ. Между тѣмъ на всю эту массу на Волгѣ имѣется всего одна больница въ Рыбинскѣ. 10—20 тысячъ рабочихъ остаются, слѣдовательно, безъ медицинской помощи.

**) Насколько велико населеніе баржъ, можно видѣть, надримѣръ, изъ отчета санитарнаго врача Нижегородскаго участка Волги, доктора Никитина. Въ Саратовѣ въ 1895 г. на 170 баржахъ было насчитано 1148 г. Изъ нихъ мужчинъ приблизительно 83,4%, женщинъ 9% и дѣтей 8,6%. См. „Сборникъ отчетовъ и докладовъ врачей санитарнаго надзора на р. Волгѣ и Камѣ“ за 1903 г. стр. 80.

Вмѣстѣ съ судоходными рабочими осенью довольно часто приходится принимать и грузчиковъ. Тяжелыя условія ихъ профессиональнаго труда, постоянныя мышечныя напряженія, превращеніе ночей въ дни и подрядной способъ работы, при которомъ отдыхъ сокращается до minimum'a,—все это заставляетъ довольно быстро изнашиваться этихъ богатырей. *) Помимо различнаго рода поврежденій, постоянно имѣющихъ мѣсто на пристаяхъ, **) главнымъ бичемъ ихъ являются простудныя заболѣванія и въ особенности ревматизмъ спинныхъ мышцъ, лишаящій человѣка возможности не только работать, но и сколько-нибудь сносно двигаться. ***)

На ряду съ судоходными и береговыми рабочими, осень гонитъ домой Пензяковъ и Тамбовцевъ. Все это по большей части неудачники, которымъ не пришлось найти достаточнаго заработка въ волжскихъ степяхъ, или же случилось заболѣть и провалиться въ самую горячую пору гдѣ нибудь въ глухомъ селѣ или на хуторѣ. Положеніе ихъ въ это время далеко хуже, нежели весной: тогда есть хоть надежда на тепло и будущій заработокъ, а теперь уже начались заморозки и чѣмъ ни дальше, все ближе надвигается зима. Вышность этихъ людей, изнуренныхъ продолжительной ходьбой, скуднымъ питаніемъ и ночлегами на холоду, подъ открытымъ небомъ, ужасна: блѣдные, опухшіе, съ израненными ногами, едва прикрытые лохмотьями взятой весной изъ дома одежды, они внушаютъ глубокую жалость къ своему положенію. Исторія ихъ обыкновенно не сложна. Долгій путь, поиски труда, постепенное обнищаніе, потомъ болѣзнь,—вотъ и все. Последняя надежда на городъ. Но онъ уже наводненъ такою массой нищеты—случайной и профессиональной, что обыватель совершенно не въ состояніи разобраться въ степени нужды этихъ сотенъ просящихъ людей и нетерпѣливо отмахивается отъ нихъ.

*) См. В. Чириковъ. „Грузчики“. Ibid, а также Г. С. Кулеша. „О заболѣваемости судорабочихъ“. Сообщено въ Обществѣ охраненія народнаго здравія 5 марта 1904 года.

**) Процентъ поврежденій доходитъ, какъ видно изъ „Сб. отчетовъ и докладовъ врачей Санитарнаго надзора на р.р. Волгѣ и Камѣ“ за 1906 г. до 19,6 (стр. 255).

***) О размѣрахъ всей судоходной волжской арміи мы, къ сожалѣнію, имѣемъ лишь весьма смутныя представленія на основаніи устарѣвшихъ данныхъ. Такъ въ 1884 г. во всемъ волжскомъ бассейнѣ насчитывалось до 22053 судовъ и до 144 баржъ, составляющихъ около 50% всей подъемной способности флота. Пароходовъ въ 1886 г. было 854 съ 15000 служащими и бѣлять, требующихъ отъ 4 до 15 рабочихъ—257. Пристаней было 240 пассажирскихъ и до 200 грузовыхъ, а общій оборотъ 1885 г. достигалъ 126557000 р. Свѣдѣній о количествѣ плотовъ ятъ. Если мы примемъ, что на каждомъ суднѣ будетъ только 10 чел. прислуги, то по самому огромному расчету количество судоходныхъ рабочихъ, т. е. лицъ развѣянныхъ по огромной рѣкѣ на цѣлыя тысячи верстъ, постоянно движущихся и совершенно лишенныхъ собственной медицинской помощи, будетъ около 1/4 милліона, не считая тѣхъ, которые работаютъ около судовъ на берегу. См. Брокгаузъ и Ефронъ „Волга“.

Цифры судорабочихъ, приведенная нами, повидимому, близка къ дѣйствительности, такъ какъ въ „Отчетъ о дѣятельности врачебно-санитарнаго надзора на Волгѣ и Камѣ“ за 1908 г. она исчисляется въ 200000 г. (См. стр. 6).

Отчаяніе, въ которое впадаютъ наиболѣе измученные изъ этихъ бѣдняковъ, по истинѣ не поддается описанію. Такъ, осенью 1908 г. въ амбулаторію губернской больницы зашли и буквально свалились съ ногъ отецъ съ сыномъ, 8-ми лѣтнимъ ребенкомъ, Тамбовцы. Вся семья была, какъ потомъ выяснилось, въ Астрахани, на ватагахъ и переболѣла маляріей, отъ которой умерла мать. Еле живой отецъ собравъ послѣднія крохи, потянулся Волгой на родину и по пути былъ высаженъ въ Саратовъ. „Мѣста нѣтъ“,—сказали ему въ больницѣ.—„А вотъ брошусь съ сынишкой подъ поѣздъ,“—хрипло отвѣчала больной: „будутъ мѣста. Мертвому не откажешь!“

Не въ лучшемъ положеніи оказываются и мѣстные крестьяне, возвращающіеся осенью съ заработковъ. Въ самомъ дѣлѣ, добраться по нашему россійскому бездорожью куда нибудь въ сторону отъ станціи за 50—100 верстъ, да еще не имѣя ни гроша въ карманѣ, это тоже подвигъ, на который способенъ не всякій, не говоря уже о больномъ и едва прикрытомъ рубищемъ человѣкѣ. Никакой помощи отъ семьи ему, разумѣется, ожидать нельзя: она сама ждетъ кормильца, и такимъ образомъ Саратовцу, какъ и Пензяку, приходится одинаково нести тяготу неудачнаго отхода и надѣяться лишь на постороннее участіе.

Въ сущности, присмотрѣвшись ближе къ отхожимъ крестьянамъ нашей губерніи, въ нихъ увидишь тѣ же характерныя черты, что и у отхожихъ промышленниковъ малоземельныхъ областей. Та же нужда, тотъ-же голодъ, почти та-же вѣднность... Какъ и всѣ остальные, они дѣлятся на три группы: *отхожую*, зимующую постоянно дома, значительно меньшую *кочевую*, представители которой лѣто проводятъ за Волгой, а зиму въ городѣ и наконецъ чисто *городскую*, поддерживающую съ деревней лишь формальную связь.

Наибольшаго вниманія, заслуживаетъ, конечно, первая отхожая группа не только потому, что она количественно велика, но и по другимъ соображеніямъ. Это вѣдь тѣ самые крестьяне, попеченіе о которыхъ лежитъ на обязанности уѣздныхъ земствъ; это плательщики, имѣющіе у себя на мѣстахъ организованную лечебную помощь. За право пользоваться ею они уже внесли свою ленту и, если ихъ застигнетъ болѣзнь на пути, то они имѣютъ если не юридическое, то моральное право на помощь. Другое дѣло—бродячая Русь. Будучи элементомъ полугородскимъ—полудеревенскимъ, она въ сущности внушаетъ къ себѣ не меньшее сожалѣніе, но о принадлежности ея къ тому или иному мѣсту можно спорить, хотя въ дѣйствительности мотивовъ спора здѣсь и быть не можетъ. Человѣкъ и бродитъ потому, что у него нѣтъ жилища, нѣтъ земли, семьи, нѣтъ вообще никакихъ признаковъ осѣлости, а потому всякое прикрѣпленіе его будетъ искусственнымъ.

Характернымъ отличіемъ рабочихъ первой группы является ихъ стремленіе во что бы то ни стало пробраться на родину. Въ поискахъ

бесплатнаго билета они ходятъ и въ полицію, и къ желѣзно-дорожному и ко всякому другому начальству и, лишь потерявъ надежду на даровой проѣздъ, обращаются въ больницу за лечебною помощію,

Что касается рабочихъ бродячаго типа, то предложеніе отпрать на родину встрѣчается ими далеко не одинаково. Иногда оно, очевидно, отвѣчаетъ планамъ больного, и поэтому принимается, въ другой разъ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что знакомство съ городомъ и его „искушеніями“, съ беззаботной и полупьяной его жизнью уже успѣло наложить на него свой отпечатокъ. Что ему дѣлать въ глухой деревнѣ, гдѣ остались за міромъ какія-то двѣ десятины, на основаніи которыхъ онъ числится общественникомъ? Въ лучшемъ случаѣ его стануть кормить Христа ради въ то время, какъ въ городѣ онъ можетъ найти случайный заработокъ, а въ крайности перебиться какъ нибудь зиму. За то весной заработокъ будетъ, и нерѣдко большой—2—3 р. въ день, лишь бы силъ хватило. Конечно, деньги эти быстро спускаются, и чернорабочій круглый годъ не выходитъ изъ тѣхъ опорокъ, которыми наградила его ночлежка, но за то совѣсть его спокойна: онъ никому не въ тягость, и самъ себѣ голова. Многіе изъ такихъ бобылей ясно сознаютъ свое положеніе и свою будущность. „Не жилъ бы въ городѣ, кабы не слабость,“—приходится слышать отъ нихъ въ минуты просвѣтленія, къ сожалѣнію, столь рѣдкія въ жизни подобнаго рода людей.

Изъ этой группы постепенно формируются уже чисто городскіе чернорабочіе, совершенно отставшіе отъ деревни. Все это народъ, прожившій въ Саратовѣ не менѣе десятка лѣтъ, сильно „подверженный“ водочкѣ и испытавшій на себѣ цѣлый рядъ всевозможныхъ превращеній, пока судьба не сдѣлала ихъ золоторотцами.

Въ этомъ послѣднемъ званіи они и пребываютъ уже до конца своихъ дней. Лучшіе изъ нихъ долгое время сопротивляются, дѣлаютъ попытки остепениться, даже заводятъ семьи и ютятся гдѣ нибудь въ лачугахъ Глѣбучева оврага. Но существованіе такихъ семей непрочно: случайная болѣзнь или несчастье,—и призракъ дома разсыпался прахомъ. Жеву ждетъ голодь, а дѣтей—улица, безпощадная къ своимъ жертвамъ.

XI.

Какое-же значеніе въ жизни Саратова имѣютъ эти постоянные приливы и отливы чернорабочей волны, направляющейся черезъ него на югъ и обратно? Проходятъ-ли они для него безслѣдно, или отражаются на немъ какимъ нибудь образомъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, слѣдуетъ поближе познакомиться съ тѣмъ, что такое вообще представляетъ собою г. Саратовъ, и каковы элементы, его населяющіе.

Саратовъ принято считать однимъ изъ хлѣбныхъ поволжскихъ центровъ, создавшихся благодаря удачнымъ топографическимъ усло-

віямъ (близость Волги, богатая желѣзно-дорожная сѣть, отдаленность другихъ губернскихъ городовъ и т. д.). Торговля его преимущественно отпускная. Главнѣйшій предметъ ея хлѣбъ, и въ особенности мука. Желѣзно-дорожный транспортъ Саратова (считая вывозъ и ввозъ вмѣстѣ) достигаетъ 48 мил. пудовъ, а судоходный превышаетъ 24 мил. пудовъ въ годъ. *)

Какъ промышленный центръ, городъ имѣетъ меньшее значеніе но все-же въ 1896 г., напримѣръ, въ немъ насчитывалось 156 фабрикъ и заводовъ съ 3788 рабочими и производствомъ на 8½ мил. рублей. По даннымъ фабричной инспекціи въ 1906 г. рабочихъ было уже до 10000 ч., что съ несомнѣнностью указываетъ на ростъ промышленнаго дѣла.

Развиваясь такимъ образомъ экономически, городъ не можетъ однако назваться богатымъ. Онъ обремененъ налогами, которые, по-видимому, дошли до высшей своей точки и уже не могутъ быть повышены. Долговъ у него около 2 мил. р. Расходы превышаютъ доходы, и всѣ усилія городского управленія пріостановить ростъ расходной смѣты оказываются тщетными. „Наложить руку на существующія уже учрежденія,—говорить въ своей докладной запискѣ Городская Управа, **)—не представляется возможнымъ, ибо лишать населеніе привычныхъ для него установлений, удовлетворяющихъ при томъ же элементарныя нужды,—есть дѣло практически почти неосуществимое и едва-ли согласное съ самыми основами общественнаго самоуправленія“.

Финансовое положеніе Саратова, какъ видимъ, не блестяще. А между тѣмъ онъ стоитъ передъ цѣлымъ рядомъ новыхъ задачъ и нуждъ по благоустройству, общественному управленію и санитаріи, которыя, накопляясь годами, настойчиво требуютъ теперь удовлетворенія.

Городъ несомнѣнно сильно отсталъ въ санитарномъ отношеніи и отъ времени, и отъ другихъ губернскихъ центровъ приблизительно того-же размѣра и значенія. Условій для этого множество: рѣзкій континентальный климатъ, загрязненіе воды и почвы, вслѣдствіе примитивныхъ способовъ очистки нечистотъ, присутствіе овраговъ, заселенныхъ бѣднотою и охватывающихъ кольцомъ центральныя части, плохое устройство жилищъ и т. д. Все это, разумѣется, весьма неблагоприятно отражается на жизни населенія.

По даннымъ переписи 1906 г. это послѣднее достигаетъ 202—203 тысячъ человекъ. По десятилѣтіямъ колебанія его выражаются слѣдующимъ образомъ:

1895 г. 59400 чел.

1860 „ 69660 „

*) См. Брокгаузъ и Ефронъ Т. 56. Стр. 417—418.

**) „Докладная записка“ Саратовской Городской Управы въ комиссію по оздоровленію городовъ. 10 іюля 1909 г.

1870 „	86418 „
1880 „	114919 „
1890 „	123750 „
1900 „	143431 „
1906 „	203000 „

Городъ, какъ показываютъ цифры, растетъ, а между тѣмъ естественный приростъ его не превышаетъ въ среднемъ 3⁰/₀ *). Явление это очевидно, можно объяснить лишь притокомъ свѣжихъ деревенскихъ силъ, ищущихъ заработка.

Смертность въ Саратовѣ, по признанію самого городского управленія, громадна и доходитъ до 40 и больше человѣкъ на 1000 **) Слагается она главнымъ образомъ изъ цифръ умершихъ отъ *желудочно кишечнаго катарра дѣтей, острыхъ инфекционныхъ болѣзней и туберкулеза легкихъ*. Жертвами этой высокой даже для Россіи (32 на тысячу въ среднемъ) смертности являются главнымъ образомъ мало культурные и плохо обезпеченные люди, живущіе по окраинамъ города и его оврагамъ.

Общую заболѣваемость Саратова отъ остро заразныхъ и не эпидемическихъ заразныхъ болѣзней также слѣдуетъ признать очень высокой: такъ, въ 1905 г. она достигала 27,8⁰/₀, а на окраинахъ превышала 42⁰/₀.

Помимо дѣтскихъ инфекционныхъ заболѣваній, бичемъ Саратова является тифъ, который изъ года въ годъ гнѣздится въ ночлежкахъ, постоянныхъ дворахъ и различныхъ углахъ, заселенныхъ нищетою. а отсюда распространяется и на центральныя, болѣе благоустроенныя части.

Не менѣе благоприятныя условія для своего развитія имѣетъ въ Саратовѣ и холера, не разъ уже дававшая обширныя эпидеміи, а за послѣдніе годы появляющаяся отдѣльными случаями всякое лѣто.

Въ качествѣ пункта, постоянно „угрожаемаго“ то по тифу, то по холерѣ, Саратовъ въ концѣ концовъ и самъ сталъ „угрожающимъ“ благосостоянію Поволожья и въ качествѣ такового, если не ошибаемся, внесенъ въ послѣднее время вмѣстѣ съ Астраханью и Царицыномъ въ разрядъ городовъ, подлежащихъ принудительному оздоровленію.

Для того, чтобы понять причины такого печальнаго состоянія города, который все-же затрачиваетъ большія суммы на медицинскую часть, намъ слѣдуетъ прежде всего ознакомиться съ составомъ его населенія.

По сословіямъ оно таково *):

*) См. работу доктора Матвѣева г. Саратовъ въ санитарномъ отношеніи“ Сар. 1908 г.

**) „Докладная записка“

***) См. „Ежегодникъ Саратовъ“ за 1906 г. Изд. Центр. Стат. Ком.

	На 1000 чел.	Всего.
Дворяне и чиновники	6	1212
Духовенство	4	812
Почетные гражд. и купцы	5	1015
Мѣщане	87	17660
Крестьяне	891	181273
Казачи	4	812
Прочіе	3	609

Саратовъ, какъ показывается таблица, въ сущности крестьянскій городъ. За исключеніемъ мѣщанства, остальные сословія составляютъ въ немъ ничтожную часть. Однако и коренные городскіе жители— мѣщане замѣтно убываютъ въ немъ съ теченіемъ времени. Такъ по даннымъ 1895 г., изъ общаго количества 126173 жителей мѣщанъ насчитывалось 58069 чел. Официально цифра эта сохранилась въ спискахъ мѣщанской Управы и до нашихъ дней, но огромное количество мѣщанъ, вслѣдствіе тяжелыхъ экономическихъ условій, давно уже выселилось изъ города и либо осѣло на городскихъ земляхъ, образовавъ цѣлыя деревни и поселки (Мордово, Мѣщановка и др.) либо разбрелось въ качествѣ ремесленниковъ и торговцевъ по разнымъ мѣстамъ Россійской Имперіи.

Если мы обратимся теперь къ выясненію *занятій* жителей г. Саратова, то увидимъ слѣдующее:

	На 1000 чел.
Администрація, полиція, сословная и общ. служба, свободныя профессіи	13
Войско	3
Духовенство	5
Дѣятельность и служба частная, прислу- га и поденщики	47
Личныя средства	16
Сельское хозяйство	773
Обрабатывающая промышленность	84
Пути сообщенія	19
Торговля	31
Прочее	9

Въ этой таблицѣ очевидное недоумѣніе можетъ вызвать графа „сельское хозяйство“, въ которой значится 773 чел. на 1000 жителей. Какое-же въ самомъ дѣлѣ можетъ быть сельское хозяйство въ губернскомъ городѣ? Недоразумѣніе это легко объясняется тѣмъ, что мѣстные и въ особенности пришлые чернорабочіе, когда ихъ спрашиваютъ относительно занятій, отвѣчаютъ обыкновенно: „по крестьянству“, и только тѣ изъ нихъ, которые по долгу живутъ въ городѣ

и отвыкли от деревенскаго труда, называютъ себя поденщиками или чернорабочими.

Такимъ образомъ, общее число крестьянъ, занимающихся черной работой, выразится приблизительно 800 на 1000, т. е. 80%, и въ круглыхъ цифрахъ составитъ 150—160 тысячъ человекъ. Изъ года въ годъ повторяющіяся цифры по обширной амбулаторіи Александровской больницы цѣлюють насъ, какъ оказывается, къ тѣмъ же самымъ выводамъ.

Вотъ что читаемъ мы на примѣръ, на стр. 6 отчета больницы за 1906 г.: „Городскіе жители, къ которымъ слѣдуетъ отнести мѣщанъ, дворянъ, купцовъ и духовенство, составляютъ около одной четвертой части амбулаторіи. Около 80% относится на долю крестьянъ, значительное количество которыхъ, какъ мы видѣли раньше, состоитъ изъ элементовъ пришлыхъ. Саратовская губернія даетъ до 40% больныхъ, Пензенская 8%, Самарская 4%, Тамбовская 3%, Симбирская 2% и прочія губерніи въ сложности 9%. Пришлыхъ больныхъ исчисляется, такимъ образомъ, до 26%“.

Установивъ соотвѣтствіе больничныхъ данныхъ съ цифрами послѣдней народной переписи, позволимъ себѣ воспользоваться и нѣкоторыми другими таблицами, приведенными въ отчетѣ. Изъ нихъ мы прежде всего увидимъ, что специально чернымъ, т. е. поденнымъ и притомъ самымъ разнообразнымъ трудомъ занимается не вся та группа крестьянства, которую мы исчислили въ 150—160 тыс. человекъ, а только *четверть* ея, *) т. е. приблизительно 35—40 тыс. человекъ.

Занятія остальныхъ таковы:

Ремесленники	18%
Жены рабочихъ	17%
Земледѣльцы	6%
Прислуга	6%
Лица безъ опредѣленныхъ занятій	3%

Если мы обратимся теперь къ вопросу о томъ, что-же такое представляютъ собою эти 35—40 тыс. человекъ чернорабочаго населенія, бродячую-ли массу или осѣдлыхъ жителей г. Саратова, то увидимъ слѣдующее:

До 1 г. проживаютъ въ Саратовѣ .	15%
Отъ 1 до 5 лѣтъ	21%
„ 5 „ 10 „	17%
„ 10 „ 15 „	17%
„ 15 и выше	26%

Двѣ первыхъ графы, выражающія собою размѣры *пришлаго* населенія, какъ видимъ, превышаютъ собою количество лицъ осѣдлыхъ,

*) Стр. 5—„Отчета Александровской больницы“ за 1906 г.

т. е. живущихъ въ городѣ 15 и болѣе лѣтъ. Отношеніе это станетъ еще яснѣе, если изъ этого послѣдняго числа исключить 18^{0/0}—19^{0/0} мѣщанъ, какъ коренныхъ жителей г. Саратова. Это обиліе плохо обосновавшагося въ городѣ элемента подтверждается и свѣдѣніями относительно *мѣстожителъства* больныхъ, приведенными въ отчетѣ по общей амбулаторіи за 1905 г.

Лицъ, *имѣющихъ квартиры*, изъ нихъ насчитывается всего 51^{0/0}. Остальные живутъ въ ночлежкахъ, на постоянныхъ дворахъ, подъ открытымъ небомъ и т. д.

Составъ чернорабочей массы, населяющей Саратовъ, имѣетъ, слѣдовательно, ту особенность, что въ немъ болѣе трети (36^{0/0}) пришло, не имѣющаго прочной осплодлости населенія, 15^{0/0} котораго падаетъ на лицъ только что пришедшихъ изъ деревни.

Отношенія эти, разумѣется, могутъ имѣть лишь приблизительное значеніе, но постоянство ихъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ заставляетъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ давно установившимся и лишь колеблющимся въ опредѣленныхъ границахъ.

Въ какихъ-же размѣрахъ и когда г. Саратовъ наводняется пришлымъ элементомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ до извѣстной степени также можетъ быть данъ на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ въ больницѣ. Цифры ея амбулаторіи колеблются въ такихъ незначительныхъ границахъ, что для нашей цѣли мы можемъ воспользоваться любымъ годомъ. Возьмемъ для примѣра прошлый 1908 г. и представимъ движеніе входящихъ больныхъ въ видѣ обыкновенной кривой (см. табл. I) Общая посѣщаемость въ (абсолютныхъ цифрахъ) по различнымъ временамъ года даетъ при этомъ слѣдующія колебанія.

Наименьшая цифра падаетъ на Мартъ-Апрѣль (половодье), наибольшая на Июнь-Юль (пора лѣтнихъ работъ) (№ 1). Болѣе характерная кривая получается, если мы обратимся не къ амбулаторнымъ, а къ нуждающимся въ *стационарномъ* леченіи больнымъ.

Въ ней явственно замѣчаются уже два подъема: *майскій* (отходъ на полевые работы) и *сентябрьскій* (возвращеніе домой) (№ 2). Такъ какъ амбулаторія Александровской больницы состоитъ по большей части изъ взрослыхъ людей (80^{0/0}), то и характеръ кривой объясняется главнымъ образомъ ихъ увеличеніемъ или уменьшеніемъ.

Кривая № 3, отмѣчающая движеніе одного *рабочаго* возраста, вмѣсто одного осенняго максимумъ, даетъ ихъ два: *сентябрьскій* и *ноябрьскій* (періодъ поздняго возвращенія съ работъ).

Тѣми-же самыми особенностями отличается и кривая № 4, изображающая движеніе исключительно однихъ инوубернскихъ больныхъ. Притокъ ихъ начинается съ Января, замѣтно падаетъ въ Апрѣль (вскрытіе рѣкъ), достигаетъ наибольшей высоты въ Маѣ и снова повышается въ Сентябрѣ.

Если мы припомнимъ теперь, что какъ переполненіе нашихъ больницъ, такъ и наиболѣе крупныя эпидеміи тифа наблюдаются у

насъ преимущественно въ осенній сезонъ и тянутся до весенняго, то намъ станетъ понятной и эта повторяющаяся изъ года въ годъ связь ихъ съ наплывомъ чернорабочаго населенія.

Гнѣздящійся осенью въ ночлежкахъ тифъ распространяется въ это время на пришлыя массы, которыя съ одной стороны увеличиваютъ собою коечный составъ мѣстныхъ больницъ, а съ другой несутъ сразу дальше въ попутныя деревни и села. Это взаимоотношеніе мѣстныхъ эпидемій съ заболѣваніями иногубернскаго бездомнаго люда и составляетъ ту истинную угрозу для Поволжья, которую несутъ въ себѣ г. Саратовъ вслѣдствіе особенностей своего топографическаго положенія и подвижности чернорабочихъ массъ.

Обстоятельство это, казалось-бы, должно обязывать городъ принять цѣлый рядъ предупредительныхъ санитарныхъ мѣръ, которыми можно оградить здоровье мѣстнаго населенія. Однако финансовое положеніе Саратова, какъ мы могли убѣдиться, таково, что ему въ этомъ отношеніи приходится довольствоваться одними благими пожеланіями и мѣрами чисто лечебнаго свойства, а въ годы эпидеміи тратитъ огромныя суммы на бесплодную борьбу съ заразой.

Все это становится яснымъ изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ Саратовѣ имѣются всего двѣ общихъ больницы—городская со штатомъ въ 100 коекъ и съ заразными бараками, могущими вмѣстить до 200 и болѣе больныхъ, и земская, издавна держащаяся опредѣленнаго штата въ 200 коекъ. Бюджетъ городской больницы, выстроенной въ 70-хъ г.г. специально для городскихъ классовъ, благодаря приливу крестьянства неудержимо возрастаетъ и въ 1902 г. доходитъ до 63 тыс. руб. *).

Ростъ расходовъ (въ круглыхъ цифрахъ) въ слѣдующіе годы таковъ:

1903 г.	69 тыс. руб.
1904 „	79 „ „
1905 „	105 „ „
1906 „	134 „ „
1907 „	127 „ „
1908 „	145 „ „

Въ тоже самое время на борьбу съ эпидеміями городъ израсходовалъ:

Въ 1902 г.	9853 руб. 46 коп.
„ 1903 „	7642 „ 45 „
„ 1904 „	6938 „ 31 „
„ 1905 „	18735 „ 92 „
„ 1906 „	6664 „ 41 „

*) Свѣдѣнія эти любезно доставлены старшимъ врачомъ городской больницы А. П. Мияхъ.

„ 1907 „	20961	„ 87 „
„ 1908 „	49730	„ 48 „

Цифры эти коментаріи не требуют: онѣ прямо говорятъ, что отсутствіе санитаріи обходится населенію гораздо дороже, чѣмъ это можно предполагать.

Бюджетъ Александровской больницы болѣе скромнѣе. При 200 койкахъ она расходуетъ 90—100 тыс. руб. въ годъ, крайне осторожно повышая смѣту. Но расходы на эпидеміи имѣются и у земства. Такъ, съ 1900 г., благодаря тифу, зимою постоянно расширяется заразное помѣщеніе коекъ на 20—25, на что требуется отъ 2¹/₂ до 3 тыс. руб. въ годъ. Однако, стремясь ограничиться обыкновенными расходами, когда жизнь требуетъ чрезвычайныхъ, губернская больница впадаетъ въ другую крайность: она отказывается въ приѣмѣ мѣщанамъ въ то время, какъ городская больница пользуется до 40% крестьянъ, практикуетъ способъ отправки хроническихъ больныхъ на родину на земскій счетъ, стремится всѣми силами къ приѣму лишь тяжкихъ и опасныхъ въ смыслѣ жизни больныхъ и, за всѣмъ тѣмъ, не можетъ помѣстить болѣе половины лицъ, обращающихся къ ней за помощью. Остальная половина получаетъ лекарства и отказы, которые изъ года въ годъ растутъ весьма ощутительнымъ образомъ (См. табл. V).

И такъ, 300 годовыхъ коекъ въ обѣихъ больницахъ, амбулаторная помощь въ 6 городскихъ и одной земской амбулаторіяхъ, нѣсколько богадѣленъ съ тысячею призрѣваемыхъ, а въ неблагополучные годы крупныя затраты на леченіе заразныхъ больныхъ и на организацию помощи безработнымъ,—вотъ все что можетъ дать г. Саратовъ своей бѣднотѣ, приходящей искать въ немъ заработка. 1) Съ другой стороны—вырожденіе кореннаго населенія, высокій процентъ смертности, огромныя эпидеміи, истощающія городскую кассу, безотрадная будущность города въ санитарномъ отношеніи и постепенный ростъ въ немъ пролетаріата,—это то, чѣмъ оплачивается городу бѣднота, лишенная надлежащей помощи и вниманія.

Подводя итоги всему сказанному, мы можемъ вывести слѣдующія положенія:

1) Саратовъ одинъ изъ крупныхъ торговыхъ центровъ Поволжья, быстро развивающихся въ экономическомъ отношеніи и растущихъ на счетъ пришлага люда.

2) Черноработія массы, приходящія въ городъ, состоятъ главнымъ образомъ изъ крестьянъ Саратовской (40%) и сосѣднихъ малоземельныхъ губерній (26%).

3) Наводняя городъ и постепенно осыдая въ немъ, крестьяне въ

¹⁾ По расчету д-ра Матвѣева (см. „Саратовъ въ санит. отн. въ 1908 г.“) на 90000 г. *взростаго* населенія г. Саратова въ настоящее время требуется до 900 коекъ, вмѣсто имѣющихся 300.

значительной своей части (36%) представляют элемент подвижный, колеблющийся и лишенный прочной осядлости.

4) Наплывъ ихъ ведетъ къ пониженію заработной платы, и следовательно, къ обѣдненію всей городской рабочей массы, а въ дальнѣйшемъ къ образованію пролетаріата, тяжелымъ бременемъ ложащагося на городъ и ухудшающаго его финансовое и санитарное состояніе.

Такимъ образомъ, на поставленный въ началѣ этой главы вопросъ о томъ, чѣмъ отражается на Саратовѣ постоянное движеніе проходящихъ черезъ него огромныхъ чернорабочихъ массъ, мы должны отвѣтить: *обѣдненіемъ кореннаго населенія, ростомъ пролетаріата и ухудшеніемъ санитарныхъ условій городской жизни.*

XII.

Мы уже не разъ говорили на предыдущихъ страницахъ объ общихъ причинахъ, которыя обуславливаютъ обѣдненіе чернорабочаго класса и въ концѣ концовъ извѣстную часть его приводягъ въ состояніе „бывшихъ людей“. Общія причины эти существуютъ во всемъ мірѣ и повсюду ведутъ къ развитію пауперизма составляющаго большое мѣсто еврейскихъ городовъ. Но нигдѣ, кажется, это превращеніе крестьянина въ босяка не совершается такъ быстро, какъ у насъ въ Поволжьи. Помимо общей нашей некультурности объяснить это возможно лишь недостаткомъ вниманія къ нуждамъ чернорабочихъ людей. Городъ считаетъ ихъ пришлыми, земство—городскими, и потому объ крупнѣйшія наши общественныя организациі представляютъ чернорабочихъ ихъ собственной участи. И участь эта, какъ мы уже видѣли раньше, довольно печальна.

А между тѣмъ, если прослѣдить шагъ за шагомъ за жизнью приходящаго въ городъ крестьянина, то можно убѣдиться, что при извѣстной помощи оъ могъ бы сдѣлаться самостоятельнымъ работникомъ вмѣсто того, чтобы обременять собою тощій городской бюджетъ. Воспользуемся для этой цѣли ежедневными больничными наблюденіями, которыя даютъ очень богатый и разнообразный матеріаль.

Эволюція деревенскаго жигеля, приходящаго на заработки въ городъ, совершается не сразу. Мѣсяца 2—3 онъ безтолково суется то туда, то сюда, изрѣдка находитъ работу и черезъ день снова оказывается безъ дѣла. Очень немногіе имѣютъ знакомыхъ или земляковъ, раньше пристроившихся въ городѣ. Въ жизни пришельца это большой плюсъ. Получить какое нибудь занятіе или службу по знакомству—это значитъ сравнительно безбѣдно просуществовать самые тяжелые первые мѣсяцы, въ теченіе которыхъ особенно трудно ориентироваться въ необычныхъ условіяхъ. „Потомъ ничего“—говорятъ крестьяне,—тебя самого узнаютъ, о хозяевахъ услышишь. А понравился одному и другой позоветъ: безъ хлѣба не останешься“.

Мѣсто такимъ образомъ является мечтою пришлого человѣка. Не знающаго, что мѣста уже всѣ разобраны, что ихъ не такъ много и что, наконецъ, для службы онъ по своему деревенскому укладу привычкамъ и понятіямъ по большей части не годится. Эта мечта скоро исчезаетъ при ближайшемъ ознакомленіи съ городомъ, и остается лишь надежда на собственные силы, на возможность использовать ихъ чернорабочимъ трудомъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе счастливы люди здоровые и крѣпкіе, которые могутъ успѣшно заниматься переноской тяжестей, и т. д. Спросъ на подобнаго рода работу въ поволжскомъ городѣ, живущемъ въ теченіи всей навигаціи оживленною рѣчною жизнью, всегда найдется. Найдутся и артели, въ которыя можно войти членомъ и получить извѣстный пай

Заработокъ этихъ волжскихъ „кули“ въ хорошіе годы сравнительно очень высокъ. Нагрузку они берутъ обыкновенно партіями, отъ тысячи и равномѣрно распределяютъ получку по своимъ членамъ. Смотря по силѣ, ловкости и привычкѣ, онъ колеблется отъ 2 до 5 р. въ день, сопровождаясь, конечно, большимъ физическимъ напряженіемъ и многочасовымъ рабочимъ днемъ среди духоты, пыли и палящаго зноя.

Жизнь грузчиковъ цѣликомъ проходитъ на набережной: тутъ они и отдыхаютъ и спятъ. Весь этотъ побурѣвшій на солнцѣ и дождѣ народъ то снимаетъ 500 пудовой колоколъ или машину, то бросаетъ въ отверстія трюмовъ тюки съ грузомъ, то придерживая мѣшки крюкомъ, бѣгомъ втаскиваетъ ихъ на трапъ, то, наконецъ, разбредается по харчевнямъ, чтобы черезъ какой нибудь часъ—два снова приняться за прежнее дѣло.

Не смотря на многомилліонный оборотъ, набережная Волги, въ Саратовѣ совершенно не приспособлена къ условіямъ чернорабочаго труда. Извѣденный временемъ и водою берегъ круто поднимается кверху узкими взвозами. Лѣстницы и мостки самага первобытнаго и легкаго типа. Повсюду провалы, ямы, развороченная земля, торчащіе концы якорей, цѣпи, канаты и невообразимая грязь. Ходьба по такимъ мѣстамъ не безопасна и для простого пѣшехода, не говоря уже о человѣкѣ, несущемъ тяжесть. Не смотря на это, берегъ много лѣтъ остается въ прежнемъ видѣ и не улучшается ни городомъ, ни судовладѣльцами.

Позднимъ вечеромъ грузчики, осипшіе отъ постояннаго крика, пыльные и уставшіе, поужинавъ, гдѣ Богъ послалъ, сваливаются спать до 3—4 ч. утра. Съ восходомъ солнца артели ищутъ новыхъ работъ и торопятся закончить съ одною погрузкой, чтобы тотчасъ-же приняться за другую.

Въ этомъ неустанномъ трудѣ, прерываемомъ только ѣдою или торопливымъ проглатываніемъ водки, безъ которой немислимо заставить работать мышцы подрядъ 16—18 часовъ, проходятъ недѣли

и мѣсяцы. Единственнымъ отдыхомъ является праздникъ. Окрестные триктеры, лавченки и площади наполняются тогда празднующимся между лотками народомъ. Изъ за хриплаго рева граммофоновъ въ окна чайныхъ несутся еще болѣе хрипые пьяные голоса, звонъ посуды, хлопанье пробокъ, обрывокъ пѣсни или топотъ тяжелыхъ ногъ. На лавочкахъ, тротуарахъ и прямо на дорогѣ понуро сидятъ грузныя фигуры въ облязлыхъ шапкахъ, чистыхъ рубахахъ и рваныхъ портахъ, давно утратившихъ первоначальный свой цвѣтъ и покрой. Среди гама, пыли и суеты уличнаго движенія рабочіе совершаютъ свой послѣобѣденный кейфъ, если только имъ можно назвать тотъ хмѣльной угаръ, который съ утра поддерживается постоянными приѣмами водки.

Пьетъ у насъ чернорабочій классъ къ сожалѣнію, много. За отсутствіемъ другихъ развлеченій, ему приходится довольствоваться лишь опьяненіемъ, которое, смотря по обстоятельствамъ, можетъ дойти до безмятежства, а иногда и до смерти. Безобразно пьяныхъ, подобранныхъ полиціей на улицахъ и по положенію своему принадлежащихъ къ чернорабочей массѣ, въ саратовскомъ пріютѣ для алкоголиковъ насчитывается до 8000 ч. въ годъ.

Ближайшія причины этого присущаго русскимъ людямъ порока отъодуетъ видѣть съ одной стороны въ условіяхъ самого физическаго труда, располагающаго къ вину, какъ средству возбужденія, а съ другой—въ жизненной обстановкѣ, лишенной всякой семейственности и порядка.

Вотъ что по этому поводу находимъ мы въ „трудахъ“ мѣстнаго физико-медицинскаго общества.¹⁾ *) „Городская жизнь безъ сомнѣнія превращаетъ чернорабочаго, порвавшаго связь съ деревней и привлеченнаго къ центру видомъ вѣшняго его довольства и благополучія. Она удерживаетъ его на долгіе годы, постепенно подтачиваетъ силы, перѣдко превращаетъ въ пропойцу и выбрасываетъ въ концѣ концовъ, какъ негодный хламъ, въ ночлежку, въ омутъ притоновъ, въ среду людей, людей потерявшихъ человѣческой образъ. Этотъ скорбный путь, къ сожалѣнію, проходятъ сотни и тысячи жителей деревень, которые направляясь на заработки не подозрѣвали всей сложности предстоящей имъ жизни, не знали суровыхъ законовъ промышленнаго труда, не имѣли вообще никакого понятія о томъ, что ихъ встрѣтитъ за предѣлами околицы. Душевная и физическая надломленность развивается у большинства изъ нихъ именно въ городѣ, въ условіяхъ новыхъ, для противодѣйствія которымъ не нашлось ни подготовки ни силъ. Отсюда быть можетъ и происходитъ тотъ упадокъ духа и воли, который ведетъ въ концѣ концовъ къ пьянству, какъ болѣе легкому средству забвенія“.

Въ связи съ особенностями быта чернорабочихъ стоитъ и ихъ

*) „Матеріалы по вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ въ г. Саратовѣ“ 1908 г.

будущность: раннее изнашивание, бессиліе, болѣзни,—все то, однимъ словомъ, что ведетъ къ невозможности зарабатывать хлѣбъ прежнимъ трудомъ, требующимъ полнаго здоровья и значительныхъ физическихъ силъ.

Инвалидамъ приходится уже искать работу полегче и съ сравнительно хорошей платой переходить на низкую, едва хватающую на пропитаніе. Люди этой категоріи послѣ многихъ бесплодныхъ попытокъ устроиться гдѣ нибудь около мельницы, лѣсопильнаго завода, молотилки и т. п. начинаютъ спускаться со ступеньки на ступеньку. Мы видимъ ихъ то въ качествѣ прислуги—дворниками, караульщиками или половыми грязнѣйшихъ трактировъ; то мастеровыми вродѣ какихъ нибудь захудалыхъ бондарей или плотниковъ; базарными цирюльниками, орудующими при помощи овечьихъ ножницъ и обломка косы, тряпичниками, метельщиками, продавцами газетъ, и т. д. Такъ дѣло идетъ еще нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ остаются два послѣднихъ исхода: или босячество, какъ заключительная стадія чернорабочей жизни, или нищенство, какъ финаль многолѣтнихъ исканій своего счастья.

XIII.

Босячество, которому удѣлено столь много вниманія современной литературой, явленіе не только нежелательное для нашихъ городовъ, но и грозное для ихъ будущности. Не слѣдуетъ забывать что босяки въ огромномъ большинствѣ случаевъ крестьяне, т. е. люди, выросшіе и сложившіеся среди деревенскихъ формъ быта и лишь опустившіеся подъ вліяніемъ городскихъ условій. Сомнительно, что-бы условія эти сколько нибудь развивающимъ образомъ могли дѣйствовать на нихъ. Скорѣе напротивъ: порывая связь съ землею, они взамѣнъ этого вступаютъ въ непосредственное общеніе съ подонками городской нищеты, постепенно растворяются въ нихъ, перенимая всѣ дурныя особенности этого населенія, и влача его привычный хомуть. Хомуть этотъ, можетъ быть, и не легче мужицкаго ярма но онъ связанъ съ понятіемъ объ относительной свободѣ, которой нѣтъ въ деревнѣ. Эта свобода, въ сущности фиктивная, выражается въ концѣ концовъ лишь полнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ лишеніямъ суровой и скитальческой жизни. Босякъ съ презрѣніемъ смотритъ на тотъ видъ благоденствія, о которомъ мечтаютъ лавочники, и съ этой точки зрѣнія предпочитаетъ пропивать заработанные гроши, кутить въ притонахъ съ такими же, какъ и онъ, до послѣднихъ степеней упавшими женщинами, заражается отъ нихъ или заражаетъ ихъ и, въ концѣ концовъ, самъ избитый или избившій кого-нибудь, попадаетъ въ пріютъ для алкоголиковъ, который выпускаетъ его утромъ для того, чтобы впустить снова вечеромъ.

Немудрено, что подъ вліяніемъ постоянныхъ излишествъ, чередующихся съ недѣлями голоданія, у босяковъ развивается своеобраз-

ный фаталистическій взглядъ на жизнь, которая разсматривается не какъ извѣстная цѣль, а какъ рядъ счастливыхъ или прискорбныхъ неожиданностей, совершенно независимыхъ отъ воли человѣка.

Типичный босякъ, но счастью, рѣдко—преступникъ, но иногда дѣлается имъ или подъ вліяніемъ опьяненія, или по подговору другихъ, болѣе искушенныхъ въ этомъ отношеніи людей. Онъ убиваетъ, воруетъ или насилуетъ полубезсознательно, подъ вліяніемъ сивушнаго дурмана и, проснувшись, часто не помнитъ того, что совершилъ нѣсколько часовъ назадъ. Онъ просто жалкій человѣкъ, который утратилъ навсегда волю, и уже никогда и никакими путями не возвратится на трудовую дорогу. Все его счастье въ минутномъ забвеніи, приносимымъ виномъ, все проклятье—въ работѣ которой приходится добывать хлѣбъ. Онъ совершенно беспочвененъ; въ качествѣ вольнаго гражданина міра, онъ не имѣетъ ни правъ, ни обязанностей, за исключеніемъ тѣхъ, которыя требуются настоящей минутой. Единственное право его—это право бѣдности, и, основываясь на немъ, онъ молчаливо ждетъ и хлѣба въ голодные годы, и поденной платы во время безработицы, и бесплатнаго ночлега, и леченія, и похоронъ,—всего того вообще, что требуется для человѣка, который самъ можетъ только умереть.

Въ ближайшей связи съ вопросомъ о судьбахъ городского пролетаріата стоитъ вопросъ о нищенствѣ, этой широкой рѣкѣ, въ которую сливаются ручьи бѣдности всѣхъ классовъ. Имъ мало интересуются у насъ до сихъ поръ, хотя въ послѣдніе годы число людей, живущихъ въ городахъ Христовымъ именемъ, несомнѣнно возрастаетъ. Увеличивается оно и на счетъ профессиональныхъ калѣкъ, стягивающихся изъ уѣздовъ къ губернскому центру на томъ основаніи, что здѣсь „подають лучше“, и на счетъ одряхлѣвшихъ городскихъ чернорабочихъ, которые не способны болѣе къ личному труду. Если численность первой группы подвержена всевозможнымъ колебаніямъ, то размѣры второй представляютъ собою, какъ показываютъ цифры, величину постоянную, изъ года въ годъ повторяющуюся. Такъ, по даннымъ Александровской больницы, количество доставленныхъ полиціей бездомныхъ и старыхъ людей, которымъ не хватаетъ мѣста въ богадѣльняхъ, равняется 5% всей амбулаторіи т. е. приблизительно 500—600 чел. въ годъ. По вычисленіямъ доктора Матвѣева *), основаннымъ на городскихъ свѣдѣніяхъ, цифра эта колеблется почти въ тѣхъ-же самыхъ предѣлахъ. Число нуждающихся въ призрѣніи ежегодно достигаетъ въ Саратовѣ 1650 чел., такъ что лицъ, которымъ не находится нигдѣ мѣста, оказывается до 640 чел. въ годъ.

*) „Г. Саратовъ въ санитарномъ отношеніи въ 1906 г.“

Не смотря на то, что дома призрѣнія принадлежать городу который тратитъ на нихъ до 17—18 тыс. руб. въ годъ, 25%⁰ всѣхъ богадѣльщиковъ составляютъ крестьяне, которые, собственно говоря должны бы содержаться на счетъ земства, и попали въ городскія учрежденія лишь въ силу того, что нужда среди нихъ еще острѣе, нежели у коренныхъ обывателей мѣщанъ.

600 человекъ бѣдности, и притомъ бѣдности, неспособной по своей дряхлости ни къ какимъ занятіямъ, по необходимости должны распредѣлиться между обѣими больницами—городской и земской, создавая такъ называемый принудительный пріемъ, т. е. такое явленіе, которое при нормальныхъ условіяхъ не должно бы имѣть мѣста. Къ сожалѣнію, у насъ оно обратилось въ правило: какъ только наступаютъ холода, и постоянные дворы наполняются пришлымъ народомъ, такъ тотчасъ-же хозяева стараются выселить изъ нихъ убогихъ и старыхъ людей, не могущихъ платить за ночлегъ или безпокоящихъ остальныхъ постояльцевъ своими жалобами и стопами. Начало зимы характеризуется поэтому у насъ переполненіемъ больницъ богадѣльщиками, которые не даютъ возможности подчасъ принимать людей болѣе молодого возраста и съ заболѣваніями остраго характера.

Какъ поступить, на примѣръ, съ 75-ти лѣтнимъ старикомъ, который изъ Пензы пришелъ работать лѣтъ 30 тому назадъ на строящуюся дорогу, былъ затѣмъ въ Астрахани, плавалъ по морю, растерялъ совершенно здоровье и въ послѣднее время кое какъ призрѣвался въ Домѣ трудолюбія? „Была работа,—кормили“,—жалуется онъ: „кончилась, ступай вонъ!“ Какую работу дѣлалъ старикъ, трудно себѣ представить: ноги у него не ходятъ, онъ весь оборванъ, въ какихъ-то худыхъ опоркахъ на босу ногу, и отъ слабости едва шевелитъ языкомъ.

Вотъ нищенка, тоже пензячка, лѣтъ 50, доставленная съ Валовой улицы. Лѣтъ 20 назадъ она пріѣхала отыскивать пропавшаго безъ вѣсти сына, да и застряла въ городѣ. Кормилась, пока могла, а теперь отнялись ноги, и хозяинъ изъ ночлежки выбросилъ.

Вонъ древній дѣдъ, лѣтъ 90, притащившійся въ старину изъ за Волги. Болитъ у него теперь все, и на наперти онъ стоять больше не въ состояніи. Относительно права на помощь у него нѣтъ никакихъ сомнѣній: „должны принять, батюшка, больше 50 годовъ въ Саратовѣ живу!“

—„Жить негдѣ“... „идти некуда“... вотъ вѣчный припѣвъ нищей братіи, доставляемой въ больницы: „кусочка нечѣмъ добиться“,—въ поясненіе добавляетъ она, показывая на свои безсильныя ноги и руки, и, какъ это ни грустно, вмѣсто дешевыхъ коекъ въ богадѣльняхъ занимаетъ дорого стоящія больничныя мѣста.

Въ совершенно одинаковомъ положеніи находится одряхлѣвшая

прислуга и ремесленники. Эти люди, состарѣвшіеся за плитой или колодкой, отекашіе, полуслѣпые, удушливые, также—беспомощны, какъ и ихъ собратья, всю жизнь занимавшіеся чернымъ трудомъ. Ни средствъ, ни родни у насъ не осталось. Связей никакихъ. Въ богадѣльни не принимаютъ: мѣсть нѣтъ. Въ больницѣ говорятъ: „въ богадѣльню ступай!“ На родину ѣхать не за чѣмъ: всѣ умерли. Остается перебиваться въ ночлежкѣ, пока ноги носятъ, а тамъ авось полиція подбереть...

Но и эти послѣднія надежды оказываются нерѣдко тщетными: общины у насъ масса, а пріютовъ для нея очень мало. Городскихъ ночлежныхъ домовъ въ Саратовѣ всего 6 съ 1119 мѣсть, частныхъ 12 съ помѣщеніемъ на 600 чел. и, наконецъ, постоянно-ночлежныхъ дворовъ до 31 съ населеніемъ въ 1200 чел. Итого только около 3000 чел. голытѣбы можетъ располагать дешевыми квартирами, и остальнымъ приходится жить въ пространствѣ или кочевать изъ одного „угла“ въ другой. Сомнѣній въ томъ, что ночлежекъ въ городѣ недостаточно, быть не можетъ. Осенью люди спятъ въ нихъ на повалку, плечомъ къ плечу, въ сырыхъ и смрадныхъ углахъ подъ нарами и не шевелясь, чтобы лишнимъ движеніемъ не вызвать чувства голода *). Къ сожалѣнію, данныхъ о числѣ лицъ, вынужденныхъ жить въ такой обстановкѣ, у насъ нѣтъ, а размѣры пролетариата европейскихъ городовъ едва-ли могутъ отвѣчать нашимъ. Въ Германіи, на примѣръ, онъ въ среднемъ исчисляется въ 3,4% (въ крупныхъ городахъ 5%—7%), во Франціи 4,7% (въ Парижѣ 7,5%), въ Швеціи съ Норвегіей—4%—5%, въ Англіи около 3% и т. д. **). Для Саратова, какъ этапа чернорабочаго движенія, эти циффы должны быть выше уже по одному тому, что въ немъ сосредоточивается въ нѣкоторые мѣсяцы года масса пришлой, полуголодной и больной нищеты.

Къ всѣмъ тѣмъ мученіямъ, которыя пришлось ей вынести во время лѣтней страды, присоединяется необходимость побывать въ саратовскихъ ночлежкахъ. Эта послѣдняя страница жизни чернорабочихъ, возвращающихся съ полевыхъ работъ, настолько характерна, что ее нельзя пройти молчаніемъ. Постараемся поэтому дать самый поверхностный набросокъ той обстановки, въ которой имъ приходится оставаться въ городѣ цѣлые дни, а иногда и недѣли.

XIV.

Продѣ вами старинный, съ толстыми стѣнами и позеленѣвшими окнами трехъ этажный домъ, въ верхнюю галлерею котораго врывается холодный осенній вѣтеръ. Много лѣтъ служить ночлежкой

*) См. „Г. Саратовъ въ санитарномъ отношеніи“.

**) Брокгаузъ и Эфронъ Т. 45, стр. 57.

эта древняя храмина, и, вѣроятно, долго еще будетъ служить ей, пока какое-нибудь неожиданное обстоятельство—пожаръ, обвалъ фундамента или потолка—не наведетъ на мысль, что рухлядь эту надо снести и развѣять, ибо жить въ ней невозможно, а ужъ деньги брать за житье — прямо таки совѣстно. А пока что, живутъ.

Около грязнаго крыльца всегда нѣкоторое движеніе. Здѣсь сидятъ либо стоятъ два—три оборванца, кого-то поджидающіе, а, можетъ быть, просто отъ бездѣлья вышедшіе поглазѣть на улицу. На площадкѣ каменной лѣстницы мигаетъ фонарь: тутъ выдаютъ входные билеты. Берутъ 2 копейки, а кого впускаютъ и „такъ“.

—А нижній этажъ у васъ пустъ?

—Тамъ мѣсячные квартиранты. Вотъ извольте посмотрѣть!

Обширная, плохо освѣщенная комната съ нарами. Спертый, никогда не вентилируемый воздухъ,—типичный воздухъ ночлежки, въ которой пуще всего цѣнится тепло, а до остального нѣтъ никому дѣла. Каждая нара—маленькая квартира. Образки на перекладинахъ, сундучки въ головахъ, разная хозяйственная рухлядь по бокамъ: связки бичевокъ и дратвы, полотенца, пучки какихъ-то лекарственныхъ травъ,—вообще признаки прочной осѣдлости.

—Сюда ночлежниковъ не пускаютъ,—говорятъ пожилая женщина, видимо, принадлежащая къ администраціи учрежденія: койки всѣ нищими заняты.

—И по долгу они у васъ живутъ?

—Какъ вамъ сказать? Одни по году, а другіе и больше... разное бываетъ. Кусочки они: по Церквямъ ходятъ.

Въ разговоръ вступаетъ сѣденькій старичекъ въ круглыхъ очкахъ, до сихъ поръ читавшій книгу въ старинномъ кожанномъ переплетѣ.

—У насъ тутъ покойно,—неторопливо объясняетъ онъ: все давнишніе постояльцы. Ни пьянства, ни озорства, какъ въ прочихъ мѣстахъ... Сами за собой смотримъ.

—Вы здѣшній, дѣдушка?

—Нѣтъ, мы пензенскіе, сударь. Нашихъ тутъ много. Раньше работали, а теперъ Христовымъ именемъ кормимся.

—Что-же на родину не ѣдете?

Улыбка расплывается по морщинистому старческому лицу.

—Я, свѣтикъ, на родину-то и дорогу забылъ. Что у меня тамъ? Паспортъ одинъ остался. Я весь тугъ.

—Въ богадѣльню, можетъ бы, приняли...

—Ии... гдѣ ужъ! Безъ денегъ нашего брата туда не берутъ.

—Да вѣдь и здѣсь не примутъ.

—Божья воля... Безъ Бога, родимый, не проживешь!

Дядь, очевидно, надѣется, что Саратовъ ихъ прокормить. Таро-
пный городъ.

— На родину! желчно отзывается откуда-то изъ угла другой,
новъ сморщенный и трясущійся паралитикъ: а ты раньше спроси,
варить, подаютъ-ли въ Пензѣ, вотъ что!

— Не знаю, дѣдушка.

— Вотъ то-то и оно-то! Съ голоду тоже не всякому помереть
хочется.

— Такъ плохо, ваше скородіе—таинственно шепчетъ сзади васъ
какая-то испитая подозрительная личность, отъ которой на сажень
равнѣ сивухой,—что по нѣшнимъ временамъ въ провинціи совсѣмъ
невозможно существовать...

— Вы тоже пензякъ?

— Нѣтъ мы петербургскіе будемъ. Административно высланы
градоначальствомъ...

Почлежники понемногу выползаютъ изъ своихъ норъ и соби-
раются вкругъ. Все бородатая, старая, съ слезящимися глазами
и сиповатыми на щекахъ жилками лица, которая въ мелькомъ встрѣ-
чала на перекресткахъ людныхъ улицъ и около подъѣздовъ бога-
тыхъ купеческихъ домовъ. Но тутъ нѣтъ этихъ жадныхъ просящихъ
взгладовъ, протянутыхъ рукъ, елейной нищенской рѣчи. Разговоръ
идетъ просто, непринужденно.

— Не плохо вамъ тутъ?

— Нѣтъ, Бога гнѣвить нечего... Духъ вотъ развѣ,— да къ этому
мы привычны. Больные опять... Эти беспокоятъ сильно. Хворому
человѣку, сами знаете, покой да уходъ требуются, а гдѣ они здѣсь?
Слабымъ у насъ утѣшеніе большое, сударь.

— Гдѣ же они помѣщаются?

— Съ нами вмѣстѣ... Пожалуйте сюда.

Съ законченной отъ времени нары, покрытой какимъ то извѣ-
щеннымъ рубищемъ, смотритъ на васъ изжелта блѣдное обострив-
шееся лицо. Костлявыя руки перебираютъ воротъ истлѣвшей рубахи,
Возкрившая губы слятся что то сдѣлать: не то сложиться въ улыбку,
не то подернуться гримасой страданія.

— Смотри отходить,— качаетъ головой одинъ изъ сосѣдей.

— Старичекъ утлый,—поддерживаютъ другіе: какъ-бы нынѣшней
ночью не представился!

Подходимъ къ другому. Посинѣвшее отечное тѣло, неровно
надвигаящаяся грудь, Жалобный голосъ, который молить о состра-
даніи.

— Пробовали въ больницу свезти,—разсказываютъ почлежники:
не берутъ. Плохъ, вишь. Такъ и лежитъ тутъ.

— Да вы бы такихъ хоть въ особое помѣщеніе клали, гдѣ воз-
духа больше и свѣтъ есть.

—Помилуите, у насъ и богадѣльня есть, да тамъ тоже всѣ углы заняты.

Словоохотливые спутники мои ведутъ меня въ конуру, скудно освѣщенную лампой. Здѣсь на лавкахъ, въ углахъ и на полу копошатся какія-то существа, полуодѣтыя дырявыми лохмотьями. Колеблющіяся тѣни скользятъ по впалымъ щекамъ, иссохшимъ грудямъ и ногамъ, покрытымъ коростой и грязью. Видны заросшія сѣдыми вклокоченными волосами головы, бороды, кишачія паразитами, изможденныя темныя лица, тусклые глаза, вопросительно обращенные на вошедшихъ... Здѣсь преддверіе самой смерти, голодной, жалкой и унижительной, не достойной не только человѣка, но и животнаго. Кормить-ли ктонибудь этихъ людей, ухаживаютъ-ли за ними, видѣль-ли ихъ ктонибудь,—все это вопросы, которые мучительно встаютъ предъ вами при взглядѣ на этихъ забытыхъ и заживо похороненныхъ людей. И вы уходите, задыхаясь отъ запаховъ, которыми пропитана „богадѣльня“, съ сложнымъ ощущеніемъ жалости къ этимъ несчастнымъ и стыда за тѣхъ, кто устроилъ для нихъ эти вертепы.

Въ среднемъ этажѣ публика смѣшанная: здѣсь и чернорабочіе, и „галахи“, и даже „утлые“ старички. Но ихъ мало. Преобладающій типъ это обыкновенный береговой бурлакъ, въ значительной степени потерявшій деревенское обличье и смѣнившій его на городской видъ.

Первымъ признакомъ этой эволюціи является костюмъ. Домотканый кафтанъ и рубаха своей пряжи уже исчезли. На плечахъ „срамъ-пальто“, вмѣсто бѣлья какіе-то лоскуты потерявшей цвѣтъ ткани. Валенки давно нѣтъ. Сначала покупались лапти, и затѣмъ благодѣтельный „толкунъ“ сталъ снабжать бывшего пахаря подобіемъ старыхъ штиблетъ или опорками весьма печальнаго вида. Въ связи съ этими внѣшними измѣненіями появились и городскія манеры: грубая, пересыпанная ругательствами, рѣчь, вороватый видъ, крайняя небрежность и неопрятность. Если среди обитателей нижняго этажа мы встрѣтили въ своемъ родѣ аристократію ночлежки, то здѣсь ея демократія, ея рабочія силы, ежедневно продающіяся на рынкѣ труда.

Въ это царство лохмотьевъ, махорки, сивушнаго „духа“ и человѣческихъ испареній вступаешь съ нѣкоторымъ страхомъ за судьбу этихъ десятковъ людей, сбившихся въ кучи на нарахъ: тутъ, кажется, и дышать нельзя, а они живутъ.

—„Ничего тепло, хорошо“, — увѣряютъ они: „вотъ только клоповъ пропасть!“ И въ доказательство вамъ ударятъ кулакомъ по нарѣ, изъ которой посыпется цѣлый дождь паразитовъ.

—„А какъ-же спите?“—„Спать, милый человѣкъ, здѣсь нельзя: на дворѣ ложимся.“—„А зимой?“—„Зимой клопъ смиренный, одна блохи ѣдятъ“.

Этимъ не исчерпываются однако прелести ночлежекъ. Въ нихъ, какъ мы уже говорили, есть свои парии. Положеніе ихъ особенно ужасно дѣлается, среди рабочаго люда, занятаго своими дѣлами и приходящаго сюда только переочевать. Въ углахъ, подъ нарами, а иногда и прямо на полу вы увидите закутанное въ отрепье человѣческое тѣло, живо съѣденное насѣкомыми... Копошится оно безсильно, жалуется, стонетъ, но не встрѣчаетъ ни откуда сочувствія. Это какой нибудь паралитикъ, котораго невозможно выгнать. Проходящіе мимо обходить его, а иногда натыкаются и съ ругательствомъ отталкиваютъ ногой. Представьте себѣ только на минуту, что у умающаго сохранилась искра сознанія, и подумайте, сколько муки придется ему вынести, прежде нежели придетъ избавительница—смерть! А иногда и съ нею не прекращаются издѣвательства.

„Отойдетъ“ гдѣ нибудь на грязномъ полу подъ парой такой „испальничикъ“, и его долго еще топчутъ ноги пьяныхъ ночлежниковъ, пока, наконецъ, „духъ“,—это послѣднее ужасное воспоминаніе о „бывшемъ“ человѣкѣ—не покроетъ собою смрадъ ночлежки и не заставитъ начальство ея принять мѣры...

—Верхній этажъ не изволите посмотреть?—предупредительно предлагаетъ вамъ таже самая женщина, которую вы встрѣтили внизу. Вы благодарите, отказываетесь и быстро направляетесь къ выходу, чтобы поскорѣе вздохнуть свѣжимъ воздухомъ и придти въ себя отъ нанесенныхъ впечатлѣній.

Вокругъ васъ темная ночь. Площадь, слабо освѣщенная мигающими фонарями, тонетъ во мглѣ, изъ которой смутно выдѣляются очертанія заснувшихъ домовъ. Повсюду пусто. Вы собираетесь уже идти, когда васъ нагоняетъ какая-то фигура, и сильный голосъ заискивающе звучитъ:

—Ваша милость! Благоволите петербургскому что нибудь...

XV.

Познакомившись съ общимъ характеромъ чернорабочаго движенія, мы вправѣ теперь спросить, возможно-ли упорядоченіе его и устраненіе тѣхъ вредныхъ вліяній, которыя оно несетъ въ себѣ какъ для отхожаго крестьянства, такъ и для городовъ, вынужденныхъ принимать въ свой составъ бѣднѣйшую деревенскую массу?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается намъ Западной Европой, въ которой такое движеніе также существуетъ, но введено въ извѣстныя рамки и обезврежено соответствующими мѣрами. Въ самомъ дѣлѣ западно-европейскія страны не знаютъ ни холеры, ни тифа, а между тѣмъ нашъ-же сельскій рабочій изъ западнаго края ежегодно идетъ въ нихъ цѣлыми тысячами и не переноситъ съ собою эпидемическихъ заболѣваній.

„Заграница намъ не указъ!“ говорятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ и говорятъ не вполнѣ основательно, потому что сосѣди

наши въ свое время пережили достаточно бѣдствій, отъ которыхъ нашли способы избавиться. Найдемъ ихъ несомнѣнно и мы—черезъ 10—20—30 лѣтъ, когда для всѣхъ будетъ ясно, что предоставлять своимъ силамъ и судьбамъ нѣсколько милліоновъ бѣдныхъ людей, безпрепятственно бродящихъ по Россіи, невысказанно и не безопасно.

Посмотримъ-же, какія изъ европейскихъ мѣръ можно перенести въ нашу русскую дѣйствительность, чтобы достигъ желательныхъ результатовъ.

Прежде всего, конечно, необходимо позаботиться о *регистраціи* движенія. Это возможно лишь при устройствѣ цѣлой сѣти *постоянныхъ наблюдательныхъ пунктовъ*, узловыя точки которыхъ должны отвѣчать мѣстамъ наибольшаго скопленія рабочихъ массъ. А такъ какъ мѣста эти извѣстны, то не будетъ большаго труда намѣтить планъ такой организаціи, конечными пунктами которой, наприимѣръ, для нашей губерніи должны явиться Саратовъ и Царицынъ.

Задачи наблюдательныхъ пунктовъ по условіямъ нашей жизни не могутъ ограничиваться однимъ учетомъ отхожихъ крестьянъ. Для нихъ изъ нихъ потребуются и дешевое *питаніе*, и *леченіе* и, наконецъ, *посредническая помощь* въ смыслѣ пріисканія работы и т. п.

Изъ этихъ формъ пособія самымъ существеннымъ является конечно, леченіе. Оно не можетъ быть только амбулаторнымъ: для движущагося населенія важна возможность пользоваться въ больницѣ, и больницѣ достаточно большой и хорошо обставленной для того, чтобы задерживать и изолировать заразныхъ больныхъ. Все это мыслимо, разумѣется, только въ крупныхъ городахъ и должно бы составлять заботу Губернскаго Земства, такъ какъ чернорабочія массы состоятъ почти исключительно изъ земскихъ плательщиковъ. Всего ближе и нужнѣе, по нашему мнѣнію, устройство подобнаго пункта въ Саратовѣ, сдѣлавшемся, благодаря топографическимъ условіямъ, воротами въ хлѣбное заволжское царство, черезъ которыя два раза въ годъ проходятъ сотни тысячъ народа.

Устройствомъ земскаго наблюдательнаго пункта ограничиться однако нельзя. Саратовъ—городъ съ преобладающимъ характеромъ пришлаго населенія, городъ развивающійся и имѣющій по всѣмъ вѣроятіямъ крупную экономическую будущность,—количественно растетъ на счетъ бѣдности.

Остановить приливъ ея городское самоуправленіе не можетъ, но упорядочить жизнь чернорабочихъ должно, ради безопасности своихъ плательщиковъ—горожанъ.

Достигнуть этого возможно путемъ *постояннаго санитарнаго наблюденія* за жизнью и мѣстами скопленія, чернорабочихъ, за Волгой и т. д.; *улучшеніемъ жилищныхъ условий* бѣдности, разумной *борьбою съ алкоголизмомъ*, мѣрами противъ *нищенства и безработицы*

и всѣми тѣми способами вообще, которые клонятся къ повышенію культуры и экономического уровня рабочаго люда. Въ частности для города въ ближайшемъ будущемъ необходимы: медико-санитарная организація, значительную долю своего вниманія удѣляющая пришлому деревенскому населенію, переустройство ночлежекъ и уничтоженіе частныхъ постояло-ночлежныхъ дворовъ, лечебница для аголиковъ взамѣнъ существующаго пріюта для вытрезвленія пьян и, наконецъ, достаточное количество больничныхъ коекъ, что удовлетворить спросу устраивающихся въ городскихъ условіи пришлыхъ крестьянъ.

Во всѣхъ предложенныхъ мѣрахъ, какъ видимъ, нѣтъ ни особенно новаго, ни исключительнаго. Стоять онѣ, безъ сомнѣнія, не дешево и могутъ быть введены съ извѣстной послѣдовательностью сомнѣваться въ ихъ благотворномъ вліяніи на жизнь города нельзя. Слѣдуетъ сказать даже больше: для Саратова съ тѣми особенностями, на которыя мы указывали выше, онѣ нужнѣе электричества и канализаціи, потому что эти „вѣнды“ городского благоустройства почти не касаются окраинъ, живущихъ въ особомъ неблагоприятныхъ санитарныхъ условіяхъ.

Однако для осуществленія намѣченнаго плана однихъ материальныхъ средствъ недостаточно. Необходимы еще другія условія, безъ которыхъ сложная задача оздоровленія города не можетъ быть приведена къ успѣшному концу. Такими условіями мы считаемъ полнѣе вниманіе въ предстоящей работѣ со стороны земства и города и разграниченіе ихъ обязанностей по отношенію къ населенію.

XVI.

Было бы совершенно напраснымъ трудомъ доказывать необходимость совмѣстной работы земства и города по такому важному общественному вопросу, какъ оздоровленіе населеннаго пункта, которомъ сосредоточены интересы обоихъ. И дѣйствительно, теоретически необходимость эта признается всѣми, но практическое проявленіе ея наблюдается далеко не всегда.

Города и земства по большей части живутъ обособленною жизнью оберегая свои выгоды и сталкиваясь лишь во время такихъ общественныхъ бѣдствій, которыя въ одинаковой степени угрожаютъ благосостоянію какъ горожанъ, такъ и земцевъ. Ни въ чемъ одна не проявляется такъ рѣзко эта обособленность, какъ въ наиболее острой повседневной заботѣ,—въ дѣлѣ призрѣнія коечныхъ больныхъ.

По продолжительности своей это вопросъ не новый: онъ насчитываетъ уже 2—3 десятка лѣтъ, но особенной напряженности достигъ послѣдніе годы, когда экономическая жизнь городовъ и земствъ оскудѣла, когда растуція нужды стали требовать новыхъ и новыхъ средствъ, которыхъ къ сожалѣнію, не оказывалось. А между тѣмъ бѣ

ноты въ городахъ становилось все больше и больше, и общественныя учрежденія постепенно начали суживать кругъ своихъ дѣйствій, разбираться въ принадлежности большого къ тому или другому классу и отказывать лицамъ, не имѣющимъ формальнаго права на помощь. Ограниченія эти, какъ и слѣдовало ожидать, усѣха не имѣли и не могли имѣть. Источники народной нужды безконечной струей вливались въ города, безпрепятственно множились въ нихъ и требовали того или другого исхода. Увеличеніе пролетаріата стало разсматриваться уже какъ общественное бѣдствіе, съ которымъ надо бороться. Однако ближайшее ознакомленіе съ вопросомъ показало, что элементы изъ которыхъ состоитъ пролетаріатъ, очень разнообразны, и что въ отношеніи ихъ значенія и ихъ принадлежности могутъ быть споры чисто юридическаго свойства.

Въ самомъ дѣлѣ, на чьей обязанности лежитъ, на примѣръ, леченіе чернорабочихъ, населяющихъ наши крупные поволжскіе города? Извѣстно, что въ большей своей части они представляютъ элементъ непостоянный. Мѣстожителство ихъ опредѣляется наличностью заработка, за которымъ нужно идти сегодня туда, а завтра въ другое мѣсто. По припискѣ это деревенскіе жители, но одни изъ нихъ живутъ въ городахъ, другіе имѣютъ осѣдлость въ уѣздахъ и лишь уходятъ лѣтомъ на заработки, третьи находятся въ совершенно неопредѣленномъ положеніи, т. е. не пристроившись въ городѣ, не имѣютъ въ тоже время и возможности пробраться на родину. Градаціи эти въ сущности безконечны, если мы путемъ, опроса будемъ стараться выяснить положеніе каждаго чернорабочаго. Для рѣшенія нашей задачи потребуется, очевидно, помимо паспорта и другое мѣрило, которымъ мы должны руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ.

Кого же слѣдуетъ считать жителемъ пришлымъ и кого осѣдлымъ? Этотъ повидимому простой вопросъ оказывается однако не легкимъ для разрѣшенія, такъ какъ ни законъ, ни обычай не даютъ намъ въ этомъ отношеніи вполне точныхъ указаній. Старое полицейское государство предполагало для каждаго лица обязательное мѣстожителство на мѣстѣ его приписки, потому что отлучки дозволялись лишь съ разрѣшенія начальства. По современному западному праву мѣстожителство опредѣляется добровольно и констатируется по ряду фактическихъ признаковъ, позволяющихъ заключить, что то или другое лицо имѣетъ съ опредѣленнымъ мѣстомъ пребыванія наибольше тѣсную связь.

Въ русскомъ правѣ постоянное мѣстожителство также опредѣляется совокупностью извѣстныхъ данныхъ (служба, недвижимое имущество, официальное водвореніе и пр.). Допускаются однако и исключенія въ томъ смыслѣ, что у одного и того-же лица можетъ быть нѣсколько мѣстожителствъ, а иногда и ни одного. Вообще-же,

какъ и на западѣ, въ области гражданской у насъ имѣеть силу начало добровольнаго опредѣленія осѣдлости въ связи съ тѣми ея признаками, о которыхъ было упомянуто выше. *)

Наиболѣе надежнымъ изъ нихъ для чернорабочаго является, очевидно, то, что на языкѣ закона называется „водвореніемъ“, т. е. та или другая продолжительность проживанія въ городѣ. Для лицъ средняго сословія, считающихся городскими жителями, она опредѣлена Саратовскою Думою, если не ошибаемся, въ 3 года. Для людей, кормящихся отхожимъ промысломъ, срокъ этотъ въ зависимости отъ случайнаго характера ихъ заработка и непрекращающейся связи съ деревней долженъ быть повышенъ по крайней мѣрѣ до 5 лѣтъ.

При этихъ условіяхъ *пришлый* элементъ, т. е. прожившій въ городѣ менѣе 5 л., какъ показываютъ данныя Александровской больницы (см. табл. III), составитъ 33% всей чернорабочей массы населяющей Саратовъ; 17% падаютъ на лицъ *полуосѣдлыхъ* живущихъ въ городѣ отъ 5 до 10 лѣтъ, и, наконецъ, 47% на *янные* жители Саратова. †)

Такимъ образомъ, если исходной точкой раздѣленія больническихъ обязанностей считать продолжительность жизни чернорабочаго Саратова, то больничная повинность ляжетъ на обѣ стороны приблизительно поровну, такъ какъ *полуосѣдлый* элементъ тяготеетъ большей части къ Губернской больницѣ.

Къ сожалѣнію, не только половина, но и эти 36%, эта чернорабочаго населенія едва ли облуживаются послѣдней, какъ Городская больница, выстроенная главнымъ образомъ нуждѣ мѣщанъ, лечитъ теперь до 40 и болѣе процентовъ крестіанъ не находящихъ себѣ мѣстъ въ Губернской. Городъ несетъ на слѣдствительно, значительную часть тѣхъ расходовъ, которые по справедливости должны бы быть земскими.

Такое положеніе вещей, разумѣется, возможно только до поры, пока путаница взаимныхъ отношеній, вытекающая изъ недостаточнаго нашего знакомства съ чернорабочимъ движеніемъ и сложности самого больничнаго вопроса, не разрешится его полнымъ и всестороннимъ изслѣдованіемъ.

Время для этого давно пришло. Въ общественной жизни нашей появилась новая крупная единица—Университетъ, который будучи въ тѣсной связи съ больничными учрежденіями, конечно, несомнѣнно вызоветъ значительный притокъ больныхъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ и губерній и заставитъ земство и городъ подумать объ участи.

*) См. Аяневковъ. „Система гражданскаго права“. I. стр. 120.

†) Такое дѣленіе выведено нами не на основаніи теоретическихъ соображеній, а взято прямо изъ жизни: тѣ-же самые сроки осѣдлости намѣчаются и опрашиваемыми крестьянами.

Не слѣдуетъ обольщать себя мыслью, что Университетъ въ состояніи облегчить тяжесть нашихъ больничныхъ заботъ.

Задачи его совершенно другія, и взять на себя благотворительныя обязанности самоуправленія онъ не можетъ. Не могутъ успешно выполнить ихъ и эти послѣднія, пока больничная помощь будетъ рассчитана лишь на мѣстное население, и не примутся въ расчетъ нужды чернорабочихъ массъ, которыми ежегодно снабжаетъ насъ обширный Саратовскій край.

Для этихъ пришлыхъ людей необходимо устройство *специально чернорабочей больницы*. Будучи ядромъ того начинанія, которое поддается намъ жизнью, больница эта должна открыть свободный доступъ всѣмъ занимающимся отхожимъ трудомъ и не имѣющимъ осѣдлости въ городѣ.

Можно быть вполне увѣреннымъ, что средства и силы на это дѣло при желаніи найдутся. Не надо забывать, что больничное строительство, предназначенное для общихъ цѣлей, закончилось у насъ почти 40 лѣтъ назадъ, когда открылась въ Саратовѣ Городская больница. Съ того времени мы ничего болѣе не имѣемъ, помимо рожденій *специального характера*: больницъ дѣтской, глазной, родильнаго пріюта и гинекологической лечебницы.

А между тѣмъ больные не ждуть и настойчиво напоминаютъ о остающихся имъ 400—500 крѣпахъ.

Будемъ-же имѣть смѣлость признаться въ этой насущной нуждѣ пожелаемъ г. Саратову скорѣйшаго ея удовлетворенія!

А. Ершовъ.

1909 г.

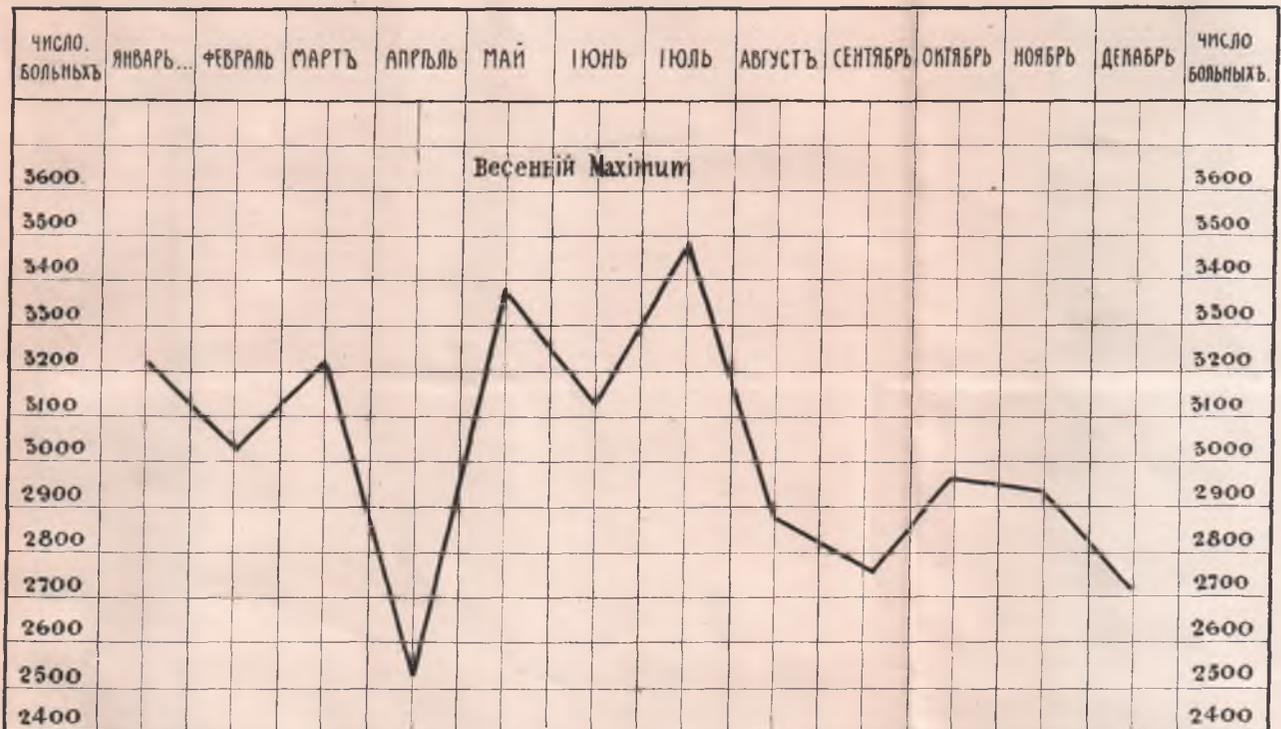
Октября.

Таблица I

а) Движение амбулаторных больных

въ 1908 году

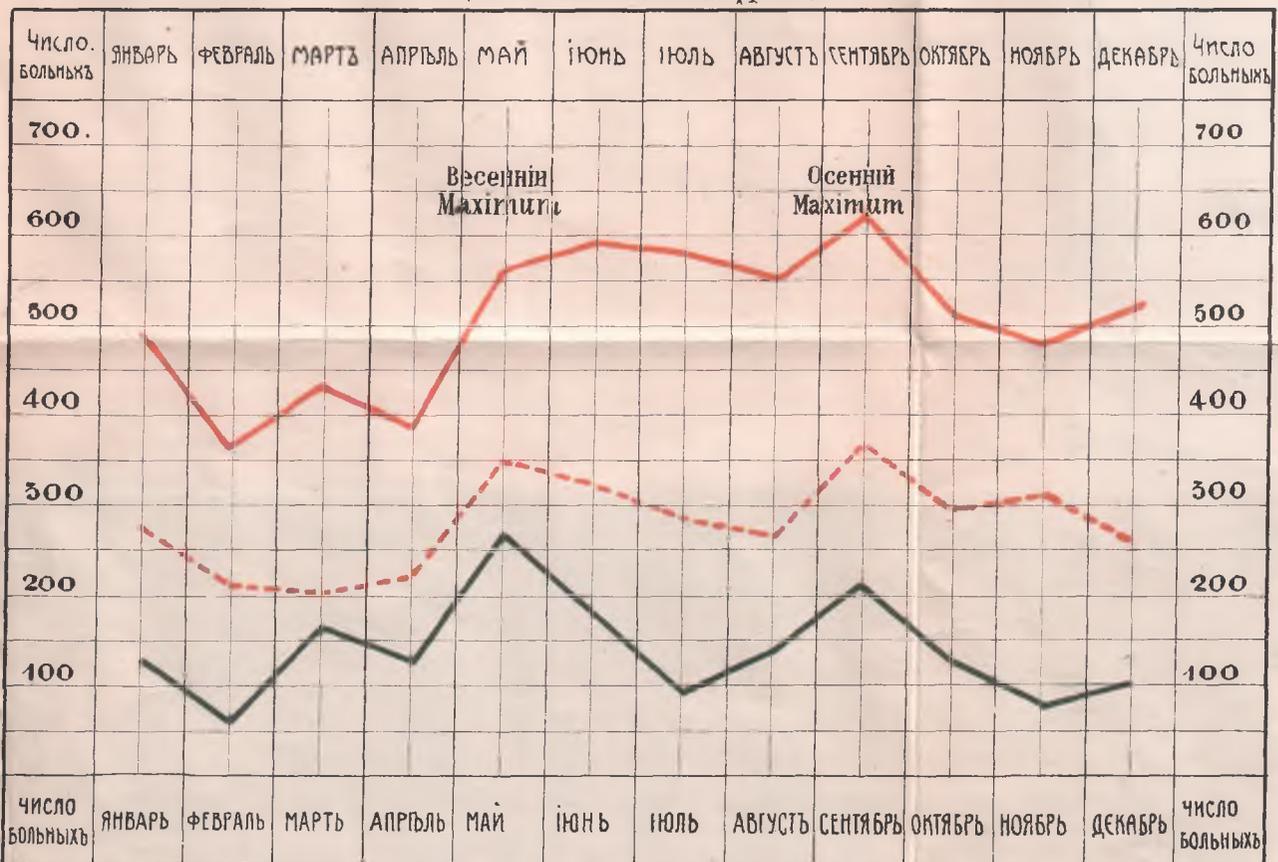
(въ абсолютныхъ цифрахъ).

б) Движение стационарных больных

въ 1908 г.

(въ абсолютныхъ цифрахъ).

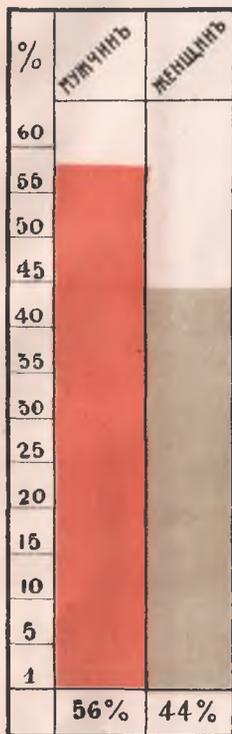
— Стационарные больные.

- - - Рабочий возрастъ.

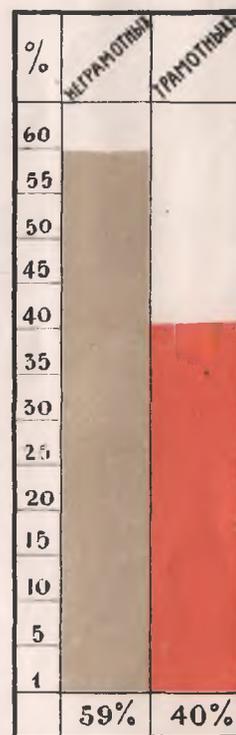
— Иногубернскіе (пришлые) больные.

Таблица II.

Сравнительныя количества мужчинъ и женщинъ
въ 0/00/0.

ГРАМОТНОСТЬ
въ 0/00/0

Повозрастной составъ амбулаторіи
въ 0/00/0.

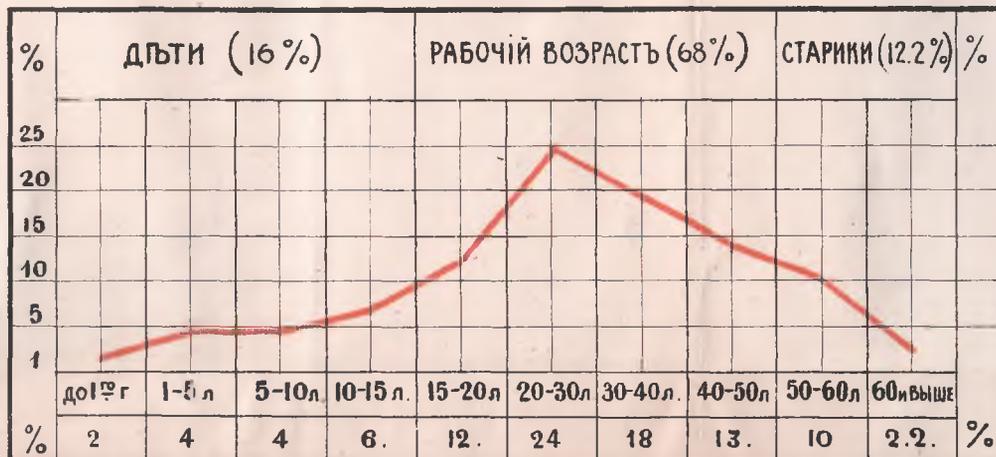

Таблица III

распределение больных по званию

въ ‰/‰.

Распределение больных по занятиямъ

въ ‰/‰.

Распределение больных по продолжительности жизни

въ г. Саратовѣ.

въ ‰/‰.

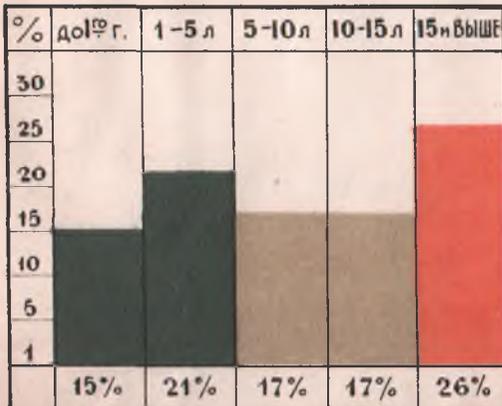
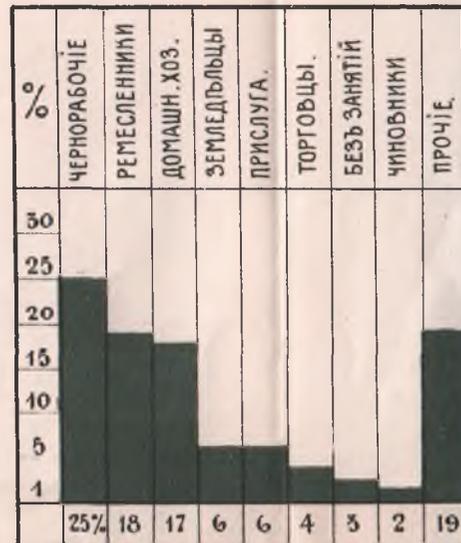
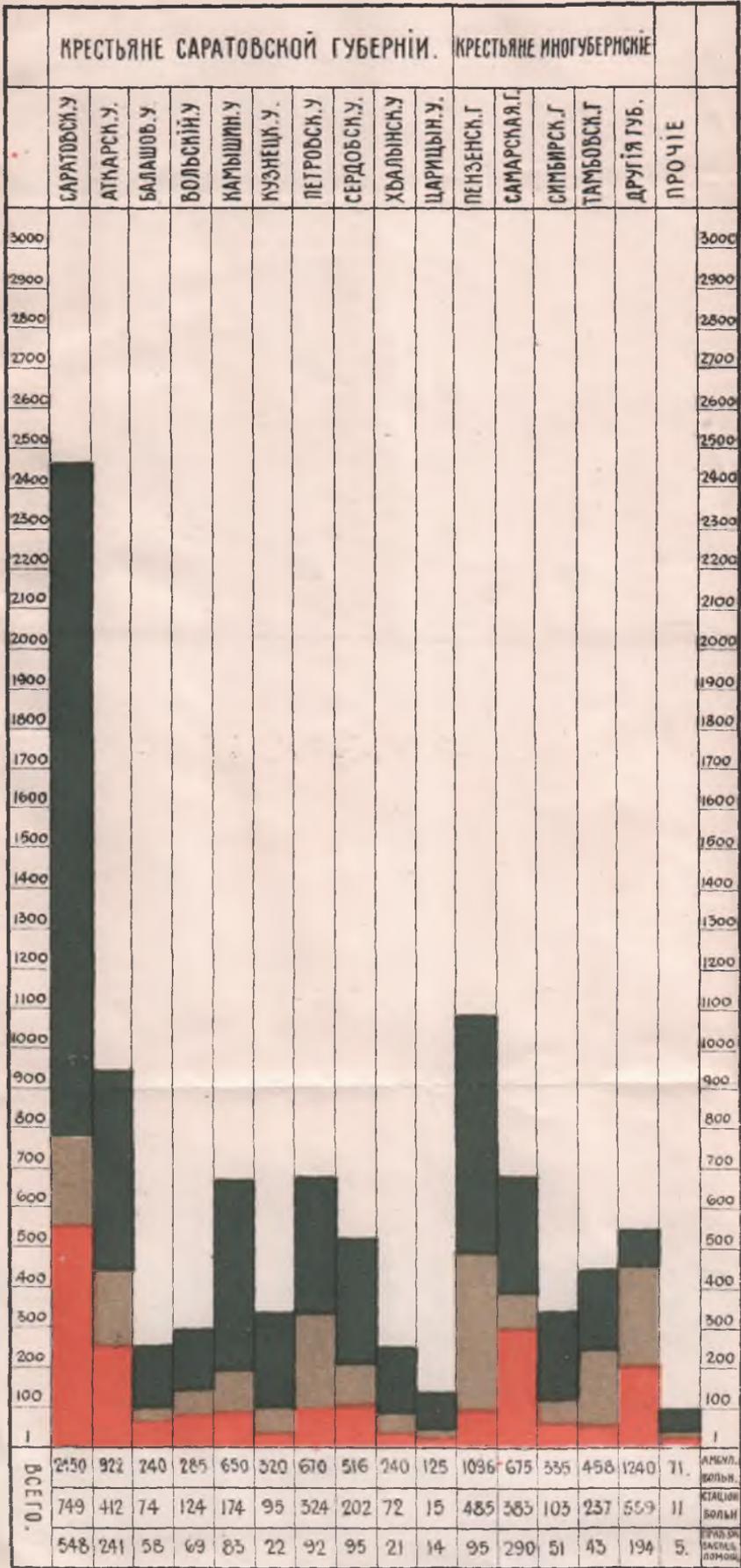

Таблица IV

сравнительныя количества амбулаторныхъ, стационарныхъ
и прїѣзжающихъ **ЗА СПЕЦІАЛЬНОЮ ПОМОЩЮ** крестьянъ

(въ абсолютныхъ цифрахъ).

Амбулаторные больные.

Стационарные больные.

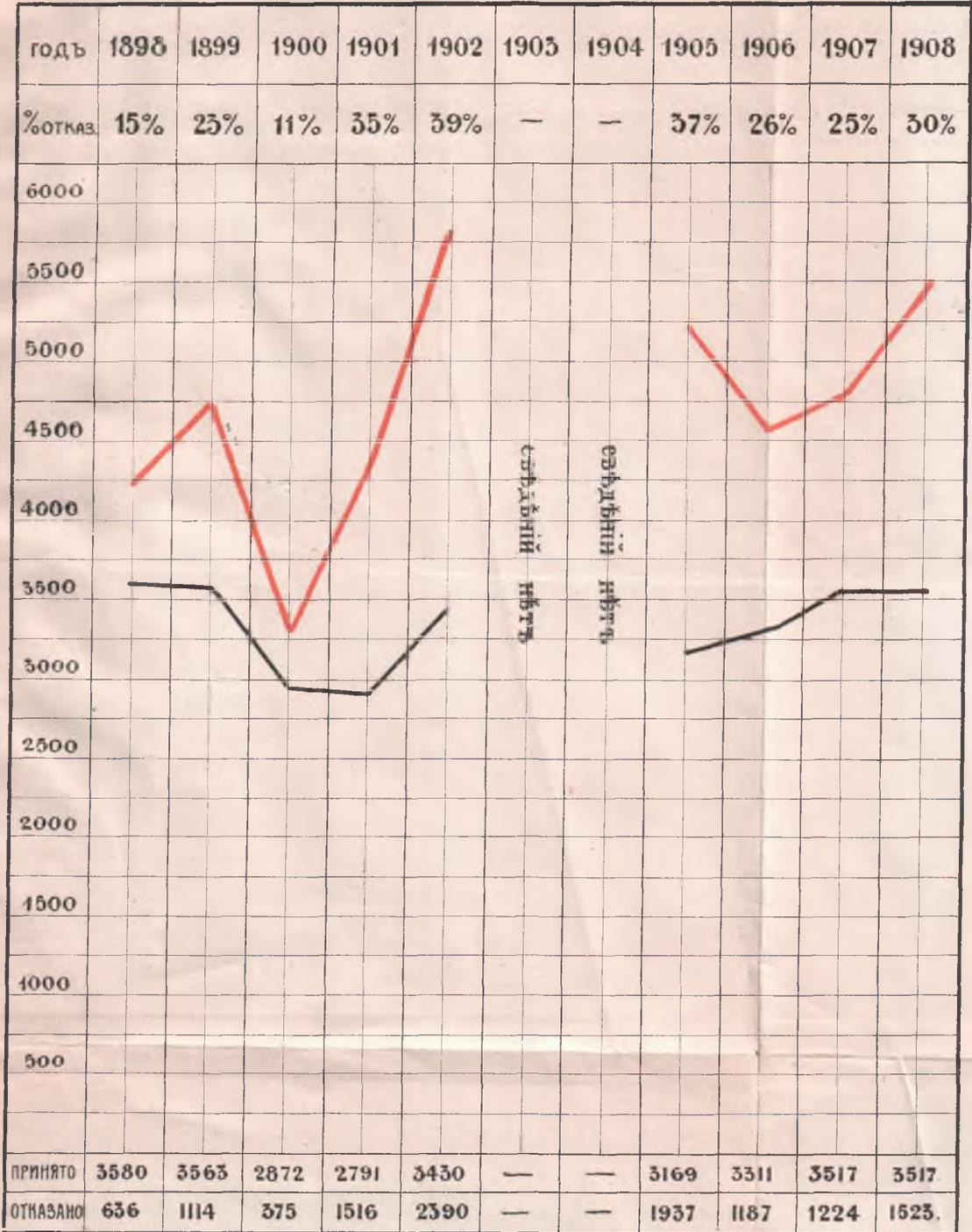
Больные, прїѣзжающіе за спеціальною помощю.

Таблица V

сравнительныя количества отказовъ въ приѣмѣ въ Александровскую больницу

по недостатку мѣстъ

(въ абсолютныхъ цифрахъ).

Кривая отказовъ.

Кривая приѣма.

